

ДАРЬЯ ГУЩИНА

СУНДУЧОК
МЕРТВЕЦА

ВКЛАДЫВАЯ ДУШУ

Дарья Гущина

Сундучок мертвеца

<https://litres.ru/74114111>

SelfPub; 2026

Аннотация

Серый город не любит чужаков. Приезжие должны трудиться на благо города, не то он затаит обиду, высосет чудотворную силу, заберёт здоровье, сведёт с ума – и сгинет чужак. Как должен был сгинуть мой отец.

Я уехала из Сергорода много лет назад и не собиралась возвращаться. Пока в мою жизнь не ворвался ищеец с уверенностью, что отца убили. И с просьбой помочь: снять с дома родовую защиту и изучить архив, открыть ремесленный сундук отца и узнать о его последнем проекте.

Вот только защиты на доме не оказалось, и в нём явно обитал некто неуловимый. Мой дом зачем-то понадобился городской Управе. А отцовский сундук скрывал ключи к опасным тайнам. Которые зашевелились сразу, как только сундучок вернулся в Серый город.

Первая часть истории «Сундучка».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	37
Глава 3	60
Глава 4	82
Глава 5	104
Глава 6	123
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Сундучок мертвеца

Пролог

Кристаллы упорно отказывались менять цвет. Издевательски светлели со дна чаши, наполовину утопленные в зелёной крови глубоководного морского гада, и колко искрились. Я поставила кувшинчик рядом с чашей и провела над ним ладонью, шепча наговор. Зелёная кровь послушно и отзывчиво булькнула.

Нет, кровь точно настоящая. Но моряки, пройдохи, давно наловчились так её разбавлять, что этого ни одним наговором не вычислить. Им разница в деньгах – или полсклянки продать, или полную. А нам, ремесленникам, головная боль – потом, когда опыты насмарку из-за одной лишь крохотной капли чужеродной жидкости.

Сволочи жадные.

Я снова взяла кувшинчик и капнула на кристаллы каплю крови, шепнула наговор. Кристаллы лишь заискрили пуще прежнего. Я задумчиво потёрла нос. Выход, конечно, есть – выпарить эту проклятую каплю. Если она там одна. Вот знать бы сколько... Заразы, ну говорили бы честно: разбавленная таким-то зельем или чаем, один к одному! Мы бы всё равно покупали и всё равно за те же деньги – без живой крови глубоководного гада в создании кристаллов силы никак и нику-

да. Зато знали бы точно, сколько и какой именно жидкости выпаривать.

А теперь теряйся в догадках... Если неверно рассчитаешь количество лишней жидкости, то испаряющие наговоры испортят кровь. И заодно выпарят из крови чудесную силу.

Зараза хитромордая... Видела же, что врёт... А всё равно купила. И всё равно бы купила. В лавках кровь сильно дороже. Если для заказа – да, а если только для опыта – накладно.

Ладно, была – не была...

Я вылила в чашу всю кровь, шепнула слабый испаряющий наговор – и случилось непредвиденное. Кристаллы вспыхнули золотом, плюнули в меня ворохом безобидных искр, задёргались и выпрыгнули из чаши. Гремя, прокатились по столу, упали на пол и лягушками запрыгали к открытому окну – все пять мелких штук.

– А ну стоять! – рявкнула я и, схватив со стола мешочек, кинулась за ними.

Кристаллы запрыгнули на подоконник, снова плюнули в меня искрами и исчезли в открытом окне. А я, привыкшая к побегам опытных образцов, перемахнула через подоконник (благо окно большое и до земли рукой подать) и рванула за кристаллами, расправляя мешочек и шепча наговор.

Что нашлось под рукой, то и плеснул, точно... Морскую воду использовать нельзя – в ней много чудесной силы, и она даёт осадок. Пресная вода сбивается в пузыри. Скорее всего, остатки восстановительных зелий слил. Ну погоди, попа-

дѣшься, сволочь...

Беглецы, исступлённо искря, попетляли вокруг домика, попытались закопаться в холмы палой листвы и скрыться в голых кустах, слепо потыкались в защиту (да, я учёная) и в отчаянии устремились к калитке. Где мы с наговором их и настигли. Кристаллы замерли в воздухе, зло плюнули искрами и послушно нырнули в подставленный мешочек. Я быстро стянула завязки и шепнула сонный наговор. Кристаллы побренчали, повозились и замерли. Я сунула мешочек в ближайший карман фартука – и тоже замерла.

За моей беготнёй от калитки наблюдал высокий, загорелый и подозрительно знакомый старик в тёмно-сером ищейском плаще. На оном от чёрных нитяных нашивок не было живого места.

Так. Что здесь делает ищейца? Я ничего не нарушаю – запрещённое не покупаю, незаконным не торгую. И, соответственно, запретные опыты не ставлю, незаконное не создаю. Нечего ему тут делать. Я, конечно, порой хожу по краю, но им заведует иная служба – смотрителей Небытия. А от них у меня добро на многое.

– Маля, – ищейца улыбнулся до морщинок в уголках светлых глаз, – совсем меня не помнишь?

– Нет, – настороженно отозвалась я. – Но, возможно, мы встречались.

Вот только родилась и выросла я в Сером городе. Там этих ищейцев больше, чем блох на беспризорной собаке. И каж-

дому третьему отец амulet делал. Попробуй всех упомни.

– А это узнаёшь? – ищеец достал из кармана плаща серебряную шкатулочку и, опершись о калитку, протянул мне. – Говорят, ремесленник забывает заказчика в тот же день, но вот свою вещь он узнает всегда.

И я узнала свою работу моментально.

– Силд Шутнар, – теперь я припомнила и ищейца. – Шкатулка с затонувшего корабля. Я её несколько дней чистила, а потом тайник делала. Отец всегда такую мелочь сбрасывал на меня. Вы за заказом или... – я прищурилась.

– И за заказом, – силд Шутнар вернул шкатулку в карман. – И с «или», – и вытянул оттуда же узкую чёрную тубу.

...в которой отец хранил свои самые важные документы. Я поджала губы. В общем-то, я давно поняла, что отец, скорее всего, мёртв – последние десять лет от него не было никаких вестей. Оставалось лишь получить доказательства.

– Когда? – сухо спросила я. – Где?

– Лет семь назад. На Сонных островах, в Нижгороде, – старый ищеец пытливо смотрел на меня. – Похоронен на Красном кладбище. А сундук нашёлся в личном тайнике кладбища, от его смотрителей попал к местным ищейцам, от них – ко мне. Тебе совсем всё равно?

– Да как сказать... – я повела плечами: зябко, конец осени, а я в одной рубашке, пусть и заговорённой. – Вы же его друг. Вы же знаете, он нас с мамой бросил. Когда она заболела, мы сразу стали обузой. Мама – потому что болела, я – потому

что смотрела за ней круглосуточно и уже не могла делать за него мелкую работу. Я не видела его двадцать лет – с тех пор, как мы уехали из Серого города. Какое-то время он присылал деньги, но никогда ни строчки не написал и не спросил: как мы, как мама, как я. Нет, мне не всё равно – он мой отец и первый наставник. Да, мне всё равно, потому что он давно стал чужим. Что ещё?

– Войти можно? – мягко спросил сид Шутнар.

– А нужно? – я исподлобья посмотрела на ищейца.

– Нисколько не изменилась, – он улыбнулся. – Всё такая же серенькая, маленькая, недоверчивая и колючая. И рабочий фартук на тебе всё тот же.

– И штаны с рубахой, и обувь, – равнодушно подсказала я. – Я, представьте, с пятнадцати лет не очень-то выросла, а новые вещи в мастерской носить – деньги на ветер. Да и нет их у меня. Лишних. Но отцовское наследство мне не нужно.

– И это? – туба перекочевала под мышку, а из кармана появился знаменитый серый сундучок.

Без замка, без щелей – с виду обычный гладкий серый камень. Все знали, что отец хранит там нечто крайне важное – он иногда даже спал в обнимку с сундуком, – но никто никогда не видел сундук открытым. Никто не знал, как он отпирается и что именно прячет.

И сундук... это всё. Если отец с ним расстался, значит, точно всё.

И сундук... это повод. Во-первых, чтобы открыть – про-

сто суметь открыть. Я выросла с мечтой разгадать его тайну, и мечта во мне до сих пор внезапно сильна. А во-вторых, это деньги. Если у меня получится сотворить подобное, это большие деньги – и это насущное. А в-третьих, мне не хватает всего трёх изобретений до звания младшего мастера. И это тоже, да, деньги – более серьёзные заказы и заказчики.

Внутренняя борьба была жестокой, но короткой. Как и все последние двадцать лет. Нет, как всю мою последнюю взрослую жизнь – или гордость, или инстинкт выживания. Или гордо вороти нос, или молча бери любые заказы и деньги, лишь бы не сдохнуть от голода, оплатить съёмное жильё и позаботиться о мамином лечении.

Как всегда, победило низменное и насущное. Хотя мама ушла в Небытие за год до отца.

– Пора возвращаться, Маля, – сид Шутнар улыбнулся. – Слухи давно улеглись. Долги, в которые твой отец влез из-за своего последнего проекта, он раздать успел. Возвращайся. У тебя светлая голова и золотые руки. Нам очень нужны такие ремесленники. Мы и доучиться поможем – до необходимого звания. Опытом и знаниями ты точно средней руки мастер, если не старший.

А я не просто так была недоверчивой. В отличие от отца я всегда знала, когда меня хотят использовать.

– Что вам нужно? – я нахмурилась, не сводя глаз с серого сундука. – На самом деле? Только про дружбу и прочее не заливайте, ладно?

– Если ты не веришь в настоящую дружбу, это не значит, что её нет, – усмехнулся старый ищеец. – Но хорошо. Если тебе так проще – хорошо. Твой отец Долган Дух умер своей смертью – от переработки. Но есть некоторые указания на то, что ему помогли умереть. Или довели до переработки, или он сам себя довёл, потому что испугался.

– Испугался? – не поверила я. – Отец ничего не боялся. И никого.

– Вот! – силд Шутнар взмахнул свободной рукой. – А свидетели утверждают, что последний месяц он очень боялся – всего. И ещё момент: он запретил извещать о своей смерти – родственников, друзей. Мы узнали о его кончине всего седмицу назад. Почему, Маля?

– Дом? – поняла я. – Вы считаете, что дома что-то осталось – из того, над чем он работал? Чем он жил в последние годы? Я же должна была вступить в наследство ещё семь лет назад, причём в полное. Переработавшие люди быстро идут прахом. Он не хотел, чтобы дома кто-то появлялся – даже я? Потому что там спрятано... нечто? А вы, получается, нарушаете его завет.

Снова посмотрела на сундучок и добавила:

– И сундук может открыться только дома. Только там, где его создали. А вам в дом не попасть, на нём сильная родовая защита. А если и попадёте, то осмотр провести не получится. Застрянете в одной кладовке на всю жизнь.

– Я хочу расследовать гибель твоего отца, – твёрдо сказал

старый ищеец. – Это мой долг как друга. Веришь ты в дружбу или нет, мне неважно. Да, Малёнка, дом. Помоги мне попасть в ваш дом и изучить там всё. Осмотри его сама. Покажи что найдёшь и вспомни что сможешь. Большого я не прошу. Если мы подозреваем преступление, то имеем право нарушать любые заветы и завещания. Любые. А мы подозреваем. Пожалуйста, Маля, – настойчиво попросил он. – Просто вступи в наследство и впусти нас в дом. После этого делай что хочешь. Хочешь – снимай защиту, продавай дом и уезжай. Хочешь – оставайся и работай. Хочешь – пиши ищейский запрос на расследование и будь в курсе всего. Хочешь – нет. Мы тебя не потревожим. Нам просто необходимо для начала осмотреть ваш дом.

Дом – это тоже повод, неохотно признала я. Ничего не снимать, иметь свой угол – и свою просторную мастерскую. И, опять же, деньги, которые я могу вложить в новые опыты (и звание), а не в съёмную крышу над головой.

И, в конце концов, это мамин дом. Не отцовский. Это дом моих предков – по маме. Куда, оказывается, я могла вернуться ещё семь лет назад.

Когда мама заболела, мы перебрались на Ремесленные острова. Где полно мелких малонаселённых островков и большой спрос на рабочие руки даже подмастерьев: для амулетов, востребованных на материках. Для лишённых чудесной силы материковых людей амулеты создаются только здесь. Но так-то хороший ремесленник нужен везде – и мо-

жет работать везде. Хоть на Ремесленных островах, хоть на Сонных. Хоть на Серых.

И это тоже мой дом.

А последний мамин завет: прости отца. Или хотя бы не злись на него. Не люби, но и не злись. И я обещала.

Я шепнула наговор, снимая часть защиты:

– Проходите, силд Шутнар.

Надеюсь, я об этом не пожалею.

Глава 1

Серый город не любит чужаков. Приезжие должны плодотворно трудиться на благо города, не то житья им здесь не будет. Сергород затаит обиду, высосет чудотворную силу, заберёт здоровье, сведёт с ума – и сгинет чужак во цвете лет в неизвестном направлении. И искать его никто не будет, хоть все ищейские пороги обей. Известно же: Серый город не любит чужаков. И уничтожает неугодных.

Странно, что делом отца всё-таки решили заняться. Отец же чужак, пришлый, и все признаки нелюбви Серого города налицо – пошатнувшееся после тридцати лет здоровье, иссякающая чудесная сила и, главное, признаки безумия. Это и таинственный отцовский проект, и огромные долги, из-за которых мы точно лишились бы дома, не будь он маминым. Друзья мамы в первые годы её болезни, пока она ещё узнавала своих, навещали и рассказывали последние сплетни. У меня от них волосы дыбом вставали. И каждый раз я думала: хорошо, что мы уехали и не видим всего этого.

Наверное, если бы прах отца не всплыл вместе со знаменитым сундуком на Красном кладбище Сонных островов, никто бы его не искал. Сгинул – и сгинул. Чужак же. Приезжий. Довёл город. Но всё равно странно, что ищейцы взяли.

Я сидела на крыльце дома в окружении сумок и думала о

чём угодно – лишь бы оттянуть время. Входить не хотелось. То есть и хотелось, и нет. Я не была здесь двадцать лет. И минимум семь лет дом простоял без хозяина. А если вспомнить, что отец и хозяйство – вещи несовместимые и нигде не пересекающиеся, то домом никто не занимался всё те же двадцать лет. То есть с порога на меня обрушатся холод, сырость, пыль, грязь, мыши, насекомые и наша знаменитая сергородская паутина.

И не только. Крыльцо и каменные тропы в проплешинах жухлой травы. Запущенный сад в море неубранной листвы. Хозяйственных дел выше крыши. А я работать хочу, аж руки чешутся.

Сид Шутнар слово сдержал и заказами загрузил. Само собой, из жалости и благотворительности, потому что такую мелочь он мог купить в любой лавке, а мне по званию не полагалось творить вещи уровня мастеров, только подмастерья. Но жалость – не жалость, я всё взяла. Сергород – столица многочисленных Серых островов, и жизнь тут страшно дорогая. Особенно ближе к зиме. К тому же именно из полезных мелочей чаще всего появляется искра – и новое изобретение.

Мысли о заказе взбодрили. Вот куда мне точно хочется, невзирая на паутину и прочее, так это в свою родную мастерскую. Уезжая, я с отцом и друзьями детства не так тяжело расставалась, как со своей мастерской. Я же её сама создавала – каждый уголок красила и заговаривала, каждую полочку

делала и крепила... Там всё с любовью к ремеслу обустроено, каждый шкафчик с душой сделан. И инструментов, и заготовок, и материалов я, уезжая, дома много оставила.

Воспоминания о переполненных шкафах, ящиках и сундуках взбудрили ещё больше. Нас, ремесленников, часто называли бездушными – дескать, вещи для нас дороже людей. На человека мы внимания не обратим, а за собственноручно созданную заготовку поругаемся и убьём. Отчасти так оно и было. Отца снова и снова хотелось ругать, а дом – жалеть и спасать.

Там же столько моих изделий и полезных заготовок...

Я обернулась на серую громаду дома. Четыре этажа плюс подвал и чердак. Бесчисленное количество спален, ванных комнат и кладовок. Кухня на каждом этаже. Когда-то здесь располагался один из первых гостевых домов, а потом мой пра-(забыла, сколько раз пра-)дед выкупил для своего большого семейства сначала один этаж, потом второй, а потом и всё здание, и землю.

Мне, конечно, такой огромный дом не нужен. У меня нет ни времени, ни денег его содержать. И вряд ли будут. Может, всё же продам. Покаюсь перед предками, что не сберегла родовое гнездо, – и продам. Куплю себе домик на Ремесленных островах и утону в опытах. Или изобрету наконец что-нибудь немислимо полезное и немислимо же обогащусь. Буду жить на отчисления с изобретений, возьму звание мастера, найму толпу прислуги и сдам верхние этажи. Жильё здесь в

цене.

Мечты-мечты...

В любом случае дом нужно привести в порядок – для начала чтобы перезимовать. Обитать в сергородском гостевом доме при наличии своего непрактично. И дорого.

Собираемся. Утро же. Спальню, кухню и ванную я точно вычистить успею. И утро сырое и зябкое. Пора в тепло.

Я тоскливо посмотрела на калитку, скрытую старыми голыми деревьями, в очередной раз победила в себе острое желание послать ищейцев штормовым морем и сбежать обратно, встала и поднялась по ступенькам. Достала из кармана связку из двух ключей и родового амулета, шепнула наговор. Амулет – круглая бляха со спиралью, знаком принадлежности к древним родам Серых островов, – слабо засветился собственно серым.

И ничего не случилось. А должна была полыхнуть всё тем же серым защита. Я помнила, как родители снимали её, когда мы возвращались из поездок: наговор – амулет – дрожь воздуха и серые искры на стенах, двери и даже крыльце. Яркие искры – дождевыми струями стекающие по темнеющему камню к амулету. Сейчас я не увидела ничего.

Ни-че-го.

Так.

Я развернулась, сбежала по ступенькам и торопливо направилась к калитке. Сад маленький – лишь бы деревья от близко стоящих соседних домов закрывали и не душил бес-

конечный серый камень. Каменная ограда – немногим выше отца, лишь бы территорию отмечала и прохожие носы не совали. Я пришла в Серый город родовым «мостом», сразу к крыльцу, минуя калитку, – это древнее чудо моей семьи: откуда угодно при резкой нужде попасть домой. И калитку не проверяла.

Оказалось, зря. Когда я вставила ключ в замок, он щёлкнул – закрываясь, а не открываясь. А когда шепнула защитный наговор, из амулета выпорхнул рой серых искорок, впитываясь в камень ограды. Калитка была прикрыта – и только. То есть мой дом стоял без защиты. Даже на ограде и калитке. Все эти годы?.. И что там уцелело – кроме того, что отец наверняка распродал, рассчитываясь с долгами?..

Ладно...

Воры по родовым гнёздам не шарят – чревато. А предположить, что кто-то забудет поставить защиту, невозможно. Часов через десять-двенадцать хозяйского отсутствия она поднимется сама. И мы, точно помню, «мостом» проходим сквозь неё, ничего не ломая и не снимая. То есть отец каким-то образом её... наверное, усыпил. По неким своим таинственным причинам.

Я вернулась к крыльцу, снова поднялась по ступенькам и подошла к двери. Потянула на себя внешне массивную, но лёгкую дверь – и она приоткрылась. Безо всяких ключей.

Ношт, а... Может, ты в курсе?

Чудесный серый камень, из которого сложен каждый дом

в городе, естественно, смолчал. Из коридора потянуло сыростью, ветошью и приторной сладостью расплотившейся паутины. Мне стало жутко.

А если кто-то заметил?.. Если кто-нибудь занял дом?..

Хотя... Ищейцы же не заметили. Не то силд Шутнар не просил бы об обыске. Им же любые заветы нипочём, если преступление, – и согласие для обысков, поди, не требуется. И защита им тоже нипочём, если взят чёткий след.

Будем считать, что раз они не заметили, то простые люди – тем более.

Я открыла дверь и сморщилась. Ну конечно... Всё пространство широкого коридора, от пола до потолка, почти до самого порога, затянуто серо-белым полотном. Толстым, плотным, пыльным. И очень недовольным. А проклятый этот приторный запах...

Из внутреннего кармана моего плаща донёлся воинственный писк.

– Выходи и борись, гордый змей, – я хмыкнула. – Ну, давай-давай, раз такой смелый.

Карман дёрнулся, и писк затих. Наградило же Бытие питомцем...

Я натянула на лицо шарф и решительно достала из кармана плаща склянку. Тёмная жидкость за стеклянными стенками вспучилась.

Паутина явственно дрогнула, но позиций не сдала. Напротив, она тоже вспучилась пузырями и завоняла ещё от-

вратнее. И сама виновата. Я прошептала наговор, снимая печать с горлышка, и второй, усиливающий действие. И щедро плеснула жидкость на полотно.

Никогда прежде не видела, чтобы паутина так быстро сворачивалась и шустро удирала. Словно сотни рук сорвали с потолка пыльное полотно и моментально скатали его в рулон. Который тут же истончился и исчез за дальней дверью, ведущей на лестницу. Оглушительно хлопнуло. А жидкость повисла в воздухе, разочарованно суча чёрными щупальцами.

– Обратно, – и я шепнула наговор.

Жидкость вернулась в склянку. Я запечатала её, сунула в карман плаща и торжественно сообщила:

– Опасности больше нет. Выходи, мой герой.

Горюша с воинственным писком вылетел из кармана и сразу же спрятался за меня.

Я вздохнула. Эта жертва ремесленных опытов – на самом деле огромный, больше моего дома, глубоководный морской змей. Но один (ныне казнённый за дела несправедливые) ремесленник заполучил яйцо, вывел малютку-змея и сложными наговорами *запретил* ему развиваться по природе. И Горюшка навеки застыл в форме тощего и мелкого, длиной с три мои ладони, змея с двумя парами недоразвитых плавников, которые он наловчился использовать как крылья. Хотя по природе же глубоководные змеи не летают. Всё, что в нём осталось природного, – это сообразительность, способность

к чудотворчеству и умение сливаться с обстановкой, меняя расцветку.

Сейчас Горюша, как всегда от страха, был прозрачным. Он нашёлся в одном из сундуков того самого ремесленника, которые задёшево распродала его семья, – и которые я купила ради материалов. Змея следовало уничтожить, но благодаря маминым связям с храмами Небытия мне удалось сохранить Горюшку как питомца. Очень уж он хотел жить – даже таким недоразвитым. А я после смерти мамы рехнулась бы в одиночестве.

– Смелее, мой хороший, – подбодрила я, оглядываясь. – Это твой новый дом.

Горюша невнятно пискнул и спрятался в складках моего капюшона. Ладно, освоится.

Я открыла входную дверь настежь, проветривая коридор, затащила сумки и с пристрастием осмотрелась. Удивительно, но всё на своих местах. Даже старинные и дорогие светильники-шары, свисающие с потолка. Даже кресла и столики для заказчиков.

Сумрачный коридор-прихожая – длинный, широкий. Четыре арочных проёма, ведущих в поперечные коридоры-рукава: слева – кухонный (кухня, обеденная, дверь в подвал, кладовки и не только) и гостевой (пять спален и ванны), справа – мастерской коридор и библиотечный. Два грязнейших окна по бокам от двери – почему-то с отдёргнутыми пыльными шторами. Угловые шкафы для верхней одежды.

Угловые пыльные кресла с остатками паутины у дальней стены. Двустворчатая дверь напротив входной, закрывающая лестницу наверх. Грязный ковёр.

Первым делом я повернулась к окнам. Почему шторы не задёрнуты? А цветы на подоконнике... живые. Вялые и тоже пыльные, нуждающиеся в пересадке и обрезке, но живые! За домом что, кто-то следил? Отец снял защиту, чтобы некий чужак поливал цветы? Ну не чушь ли?

А книги? Многовековое наследие моей семьи – пять комнат архивов, дневников и справочников только на первом этаже! Вот за чем точно нужен уход. Я повернулась и рванула в библиотечный коридор. Пять арочных проёмов с одной стороны – книгохранилища, три двери с другой – кладовки-подсобки и ванная комната. Воздух в проёмах колыбался и рябил от многочисленных наговоров – против пыли, сырости, паутины и прочего. Меня отпустило, но буквально на минуту.

Так рябят *свежие* наговоры. Которым едва ли месяц.

Я заглянула в первую же комнату и выдохнула. Порядок. Книги на своих местах – целые и невредимые. Пыль, конечно, прокралась – лежала на столах, полках и сундуках, пачкала пёстрый ковёр, – но это мелочь. Главное – тепло, сухо. А тёмные шторы снова приоткрыты – и в щели приветственно просовывают зелёные лапки живые растения. И огромное дерево в углу по-осеннему пожелтело, но в остальном чувствовало себя отлично.

Третий важнейший момент – силовой кристалл. Я торопливо покинула библиотечный коридор и свернула в мастерской. Здесь тоже пять комнат-мастерских (средняя – моя, но терпение, рано), ванная и кладовки. Одну из них я открыла – и сразу зажмурилась. Кристалл, похожий на древнее сучковатое дерево – разветвлённая крона до потолка, сети оплетающих пол корней, – сиял мертвенно-серым.

Ярко сиял. Будто его всё тот же месяц назад под завязку насытили огоньками силы. И даже не все кристалл смог поглотить – вереницы огоньков прыгали по веткам, кружили у мощного ствола.

Горюша встrepенулся и вопросительно запищал.

– Ешь, – разрешила я. – Но в меру. Это нам на всю зиму – и дом прогревать и освещать, и еду готовить. Тут не мелкий островок с одной деревней, где всё твоё. Тут город с огромным населением. И отловом и распределением огоньков заведует городская Управа. Хоть один съешь вне дома – заставят заплатить как за десять. И новые огоньки для дома нужно покупать. Одну стаю, понял? Вон ту, у корней. Проверю.

Пока змей радостно поглощал огоньки, я открыла следующую дверь – в ванную. Мы всегда перед отъездом перекрывали водяные жилы. Сейчас оба фонтана тихо журчали – тонкими струйками, но всё же. Нужник работал. И проложенные под домом трубы тоже – рабочие, прочищенные. Наговоры не обнаружили никаких подземных заторов.

Или здесь кто-то живёт, или за домом кто-то следит. И

следит некровный, чужак, раз защита снята. Гость поливает цветы, обновляет наговоры, чистит трубы и не отводит воду. То есть бывает часто. Или же...

Мне снова стало не по себе. Живёт или всё-таки навещает?.. С одной стороны – вода, а с другой – расплотившаяся паутина, которая затягивала коридор, и холод. Холод нежилой. Чужак либо приходит, либо обитает на верхних этажах и воспитанием паутины не занимается.

Я не поленилась, осмотрела все ваннные комнаты первого этажа и убедилась в однозначном: здесь кто-то живёт. Иначе зачем оставлять в каждой ванной комнате воду? Подвести или отвести водяную жилу – две минуты и два простейших наговора. Если только цветы поливать и следить за наговорами, то достаточно одного фонтана на кухне. И одного несложного наговора «вода к корням», чтобы полить весь домашний мамин огород за десять минут.

А ещё – кухня. Кухня стала последним штрихом к портрету неизвестного обитателя моего дома. Грязные окна и пол, пыль повсюду, но в шкафах стояли банки с крупами, приправами, сухарями и чайными травами. В «холодных» сундуках – немного овощей, а в «ледяных» – водорослей, рыбы и морских гадов. И наговор свежести показал, что всё съедобно.

Всё. Съедобно. Всё относительное свежее.

Конечно, был и другой вариант. Защита (внезапно) сломалась, в отсутствие кровных отцу её починить не удалось, но по некоторым причинам пришлось уехать, и за домом смот-

рели его друзья. И почему бы не использовать пустой дом? Потому и вода, и еда – иногда здесь ночевали. И это объясняет засилье паутины.

Но тогда зачем сидеть Шутнару, ближайшему другу отца, просить снимать защиту? Он-то и должен быть тем, кто следит за домом.

Или я чего-то не знаю и не понимаю, или не всё проверила.

Я открыла на кухне окна, вернулась в коридор, подняла и распотрошила рабочую сумку. Так, проверка... Со временем, конечно, я сгоню в комок и сплужу к ношты всю паутину, помою, почищу, почию, постираю, поставлю наговоры и заодно заберусь со сложной проверкой в каждый угол... А пока хватит простой.

Вытянув из сумки мешочек, я высыпала на ладонь горсть деревянных пуговок, прошептала наговор и бросила мелочь на ковёр. Пуговицы лягушками запрыгали по полу и разделились – одни нырнули в боковые коридоры, другие прошмыгнули в дверную щель, поднялись по лестнице и ринулись изучать второй этаж, третий, четвёртый, чердак... И нигде не находили признаков жизни.

Ни единого признака.

Последняя пуговица, поблуждав по кухонному коридору, нашла дверь в подвал, спустилась в подzemелье, но и там никого не обнаружила. Даже мышшь. Что, в общем-то, объяснимо – раз цветы поливают, то и против незваной нечисти в

виде клопов и мышей дом защищён.

Никого... Но мне было тревожно. Может, только из-за отсутствующей защиты, а может... Не знаю. Тревожно, и всё тут. Ладно, мне есть чем защититься. Я много лет прожила одна, а охотников до беззащитных симпатичных девиц на островах хватает. Целым и невредимым (и здоровым) от меня ещё никто не уходил. Что-что, а ремесленная смекалка – это то, чем я зарабатываю на жизнь. Сберегусь.

Я собрала пуговицы в мешочек, подхватила сумки и вздрогнула, когда по коридору пронёсся мелодичный звон. Силд Шутнар, что ли? Да вряд ли. Я же не говорила, когда вернусь. Только пообещала написать, когда заселюсь, и назначить встречу. Соседи? Наверняка. Старые друзья-приятели тоже не знали, что я собираюсь вернуться. И когда именно.

Сумки снова оказались на полу, кроме моей рабочей, переброшенной через плечо.

– Горюша! – позвала я. – Хватит! Сюда иди. Дело есть.

Змей выпорхнул из мастерского коридора – осмелевший и отчаянно сияющий. Искрила тёмно-синяя чешуя спины, мерцала тёмно-золотая чешуя брюшка, горели тёмные глазки, а крылья-плавники оставляли в воздухе светящиеся синие следы. Больше положенного слопал, точно.

И на здоровье – и всё для дела.

– Ищи тайники, Горюш. У отца их всегда было много, и все в неожиданных местах, – объяснила я. – Он создавал отдельные заначки для всего – для дорогих материалов и

инструментов, для новых наговоров и любимых сладостей... Для всего. Только на первом этаже точно есть тайников десять, не меньше. Ищи. Добычу делим как обычно.

Змей засиял пуще прежнего и юркнул в кухонный коридор. Ему для подпитки нужна сила, которую накапливают драгоценные металлы: огоньки – «быстрая» сила, не откладывается и сразу тратится на те же перелёты; металлы – «долгая» сила, одной проглоченной серебряной монеты Горюше хватало на месяц чудотворчества. А после мы менялись: я ему новую монету, он мне старую, опустевшую.

Собственно, именно поэтому Горюша и понадобился старому ремесленнику: глубоководные змеи чувят силу металла за тысячи шагов и ради них прошибают любую защиту. Вернее, сносят. Но Горюша мелкий, и он защиту дырявил. Любую – что чудотворческую, что каменную. Без ущерба для себя. находка для воров. Сокровище.

А мне, да, нужно остальное. Кроме денег, именно в таких тайничках отец хранил свои секреты. Дневники и письма, наработки и заготовки. Силд Шутнар может появиться в любой момент – на то он и ищеец, чтобы не ждать приглашений, а понимать, что *пора*.

Колокольчик снова требовательно звякнул. Я неохотно развернулась, вышла из дома и отправилась к калитке. Надо же, какая настойчивость... Утро пощипывало щёки и пальцы сырой морозной свежестью – дело к зиме. И уж скорее бы. Укутанный в сверкающие снега Серый город выглядел

куда приятнее, чем сейчас, когда он исключительно серый. И лишь одно явление раскрашивало его в разные цвета – тени.

Это странное чудо не мог объяснить никто, но тени от живых существ здесь яркие и цветные – жёлтые, красные, зелёные, голубые, розовые, оранжевые, синие... Лишь служители храма Небытия щеголяли сугубо чёрными тенями да скрытники вроде меня вели за собой загадочную серую тень. Выйду в город – поди, опять всех окрестных ищейцев соберу... Для них серая тень потаённых замыслов приравнивалась к преступной. Хотя для ремесленника, вынашивающего новый замысел, скрытность в порядке вещей. Интересных и полезных идей не так много, а жить на отчисления с изобретений хотят все. И хорошо жить.

Колокольчик опять зазвонил – на сей раз долгим звоном, на весь сад и наверняка дом. Да иду я, иду... Я глубже нырнула в капюшон, спрятала руки в карманах и приблизилась к калитке. Возле которой нетерпеливо приплясывала Очень Большая Женщина. Так мы, островные, между собой называли коренных обитателей материков – Очень Большими, по факту. По работе я их встречала достаточно, и с каждым приходилось вести дела, для солидности взобравшись на табуретку. В лучшем случае они выше нас, урождённых островных, на голову.

Незванная гостья оказалась ещё выше – ещё примерно на полголовы. Но, в отличие от массивных материковых, хрупкая и лёгкая, в годах, по-прежнему очень красивая. По-

луковка, вероятно, – островная хрупкость и материковый рост. Раскосые болотно-зелёные глаза, крупные губы, прямой нос и короткие чёрные с проседью волосы.

Храмовая смотрительница или бывшая ищейка, точно. Улыбка добродушная, но больно взор цепкий. Или даже не бывшая. Зелёный плащ полурасстёгнут, капюшон сброшен. Холодно, а она так и пышет жаром. Ищейцы за работой все такие – горячие. Ими можно прогреть весь город, если разом на улицы выпустить и по следам отправить.

Открыв калитку, я с подозрением посмотрела на незнакомку. А она затараторила-запела:

– Доброе утро! А я к вам по-соседски! Я из дома напротив! Вышла поутру чаю на балконе выпить – смотрю, защитные искры! Я – Веснара, будем знакомы! А вы – Малёна? Дочка Долгана Духа? Очень, очень рада!..

Силда Веснара продолжала радостно трещать о моём родителе, а я смотрела на неё и понимала: или мы встречались, или я знакома с кем-то, кого внезапная соседка напоминает. Сильно напоминает. Я точно видела прежде или это лицо, или похожее на него.

– ...а вы же тут никого не знаете, вы же девчонкой, говорят, уехали! И в городе-то вас с тех пор не видели!

На этом моменте я насторожилась. Неужто все соседи сменились? И, кстати говоря, надо бы поздороваться.

– Доброе утро, – кашлянув, неловко произнесла я. – Да, вот... только что вернулась.

Вот только-только, час назад. Но силда Веснара или не понимала намёков, или сделала вид, что не понимает.

– О, здесь столько всего изменилось! – вдохновилась она, похлопала по небольшой сумке и по-свойски добавила: – А я тебе завтрак принесла!

И говорила соседка одними восклицаниями, и вся наполнила тот же восклицательный знак – тонкая, звонкая. Чересчур для привыкшей к тишине и одиночеству меня. Хотя на самом деле я общительная – люблю гостей и поговорить. Пора бы вернуться к себе. Это во-первых. Во-вторых, раз она такая глазастая, то, может, видела тех, кто следил за моим домом. А в-третьих, мне нужны заказчики.

– Проходите, силда Веснара, – я отступила, открывая калитку.

Соседка бодрим зеленоватым вихрем влетела в сад и сразу устремила к дому.

Кстати, о глазастых...

– Простите, дома слишком грязно, – я закрыла калитку. – Я действительно только что вернулась, а за домом никто не следил несколько лет. Пойдёмте на веранду.

Клюнет или нет?

Клюнула.

– Никто? – обернувшись, удивилась силда Веснара. – Но я же тебя раз пять видела! Вот как заселилась с год назад – так и видела! Да сбегала ты быстро. И мне недосуг заглянуть было.

– А точно меня? – я поравнялась с ней и посмотрела снизу вверх.

Соседка попятилась, прищурилась и признала:

– Нет, не тебя, но кого-то похожего. Очень похожего и в похожем же плаще.

Такие плащи – тёмно-серые, напоминающие ищейские, чуть ниже колена, с объёмным капюшоном, высоким воротником и широкими рукавами на шнуровке – носит полгорода. Этот плащ мне прислали мамыны друзья на день рождения три года назад. Наверняка такие ещё в ходу. Или, если похожий, подобные фасоны.

– Пойдёмте на веранду, – повторила я и первой пошла по каменной тропе вдоль дома. – Там, конечно, тоже грязновато, но убраться быстрее, чем на кухне.

Силда Веснара, замолчав (от удивления?), последовала за мной.

Веранду пристроил ещё мой прадед-ремесленник – он любил работать на свежем воздухе, и сделал выход из своей, последней в коридоре мастерской. А прабабушка высадила для красоты дикие кусты вьющейся розы. Которые за несколько лет оплели всю веранду и часть дома, и остановить их захватнические замашки удалось лишь с помощью наговоров и зелий. И только остановить – после обрезки роза быстро наращивала недостающие ветки. Но хотя бы перестала расти.

В итоге и пятую мастерскую забросили как слишком тёмную, и веранда для работы не годилась. Но чай мы там пили

часто, особенно по вечерам, – мелкая серебристая роза свети­лась в темноте, от прикосновения выпуска­я облака пыль­цы. И даже сейчас эта устойчивая к холодам колючка пози­ций не сдавала – гордо зеленела, сплошным ковром покрыва­вая веранду и угол дома до окон четвёртой мастерской, взби­раясь до третьего этажа. И цвела – мелкими редкими цвета­ми. А землю вокруг веранды и тропу покрывали ссохшиеся лепестки и бутоны.

– Маля, ты же знаешь, что это за растение? – тон соседки неуловимо изменился, став серьёзным.

Вот вы какая на самом деле... Я так и подумала, что повы­шенная восклицательность – это маска. Или часть образа.

– Знаю, – я поднялась по ступенькам и с трудом отыскала в буйной растительности дверную ручку. – Этот сорт особенно хорошо растёт там, где много силы Небытия. Где много силы смерти. В моей семье её исстари много – по женской линии все служили Небытию.

– И что в тебе не так, если ты выбрала ремесло? – силда Веснара улыбнулась.

Я толкнула внутрь – разумеется, тоже открытую – дверь, раздвинула колючие розовые плети и сухо сказала:

– Со мной всё в порядке. Наследственность – это не пра­вило, то есть я – не исключение.

Так я иногда успокаивала саму себя, потому что в моём положении смотрительство – спасение. С моей устойчиво­стью к силе Небытия меня бы сразу младшим смотрителем

взяли – на хорошее довольствие, под надёжную защиту. Но я слишком боялась кончить как бабушка и мама – в конце концов сила Небытия сводила с ума даже самых стойких.

Нет, спасибо. Выкручусь. И умру в своё время и в здравом уме.

Я нырнула на веранду, где, конечно же, было сумрачно, холодно, пыльно и грязно. Зато без паутины – она не любила холод. Соседка появилась следом и сразу же, с прежней восклицательностью, зашептала наговоры уборки – и пыль с грязью потекли к ней ручьями сначала с плетёного стола и кресел, потом из очага и со шкафчиков. А я открыла шкаф, достала чайник, сдула пыль с двери и скрылась в доме – нужны огоньки силы и вода.

В пятой мастерской, которая давно стала кладовкой, сразу же предательски зачесались руки и внутри всё зануло. Всего-то три дня не работала, пока изучала отцовские бумаги и собирала вещи для переезда, а уже соскучилась... Уже хотелось сунуть нос во все шкафы и сундуки, подсчитать имущество – и творить, творить, творить...

Но пока – нет. Пока – отделаться от соседки, привести в порядок кухню, ванную и спальню. И обязательно, в ближайшее же время, сходить в Управу и вступить в наследство. Во избежание. Тот самый пра-, который выкупил дом, был жутко плодовитым. Дальних родственников, рассеянных по островам и материкам, у меня навалом.

Да, по завещанию предка дом наследуется старшим ре-

бёнком старшего ребёнка, то бишь мной, но родственники – они, когда дело касается имущества, такие родственники...

Я быстро пересекла мастерскую, вышла в коридор и направилась в ванную. Из второй мастерской высунулся Горюша и довольно пискнул: явно вскрыл не один тайник.

– Горюш, тащи всё на кухню, – попросила я. – Потом разберём. А пока не показывайся. Перенеси мои сумки на кухню, закрой её... и сам там закройся, когда закончишь.

Змей синей молнией метнулся за сумками. А я набрала полный чайник воды, помыла руки, наговором выманила из кладовки стайку огоньков и вернулась на веранду. Уже чистую, тёплую и наполненную запахами – яичницы с зеленью, разложенной по тарелкам, сырных булочек. А силда Веснара, стоя в дверном проёме, что-то нашёптывала. И роза – злобная и упрямая колючая зараза, которая никого не слушалась, – медленно и неохотно расползалась, освобождая проём и тоже чистые окна в пол. Веранду заполнил свет холодного серого утра.

А мне сразу всё стало ясно.

Я молча загнала огоньки в очаг, повесила на крючок чайник и спустя минуту, когда он закипел, принесла к столу. Разлила кипяток по высоким кружкам, наполненным душистой травой, и оставила чайник на столе. Расстегнула плащ, скинула с головы капюшон, вытянула из-под воротника короткую пушистую косу и села в плетёное кресло, устроив сумку на коленях. Там документы и отцовский сундук – по-

мимо прочего.

Соседка закрыла дверь, повернулась, сняла плащ и улыбнулась:

– Нет смысла таиться, Маля, да я и не собиралась, – она подтянула левый рукав тёмно-зелёного платья, показывая метки – угольно-чёрные браслеты среднего зрителя храма Небытия, обхватывающие сухощавое запястье. – Так, поиграла немного на публику – не я одна люблю следить с балкона за соседями, а в храме совсем недавно. Ещё не успела пропитаться Небытием так, чтобы распугивать своим присутствием всё живое. Не хочу, чтобы соседи знали, кто я, а тебя не обмануть. Ты хорошо нас знаешь. Кремен передаёт тебе привет и поздравления с возвращением.

Я тихо выдохнула. Силд Кремен – старший смотритель того храма, где служили и бабушка, и мама. Где мы свои.

Где я – тоже своя. Смотрители Небытия друг другу братья и сёстры, и их дети – по умолчанию общие дети. И заботиться о нас будут всегда. Могла бы догадаться. Смотрители же следят не только за храмом.

– Быстро вы узнали... – я взяла вилку. – Кто донёс?

– Помощники, – силда Веснара села за стол. – Маля, ты дочь нашей любимой сестры. Мы не упустили тебя из виду ни на минуту.

Если силда не успела пропитаться Небытием, то в храме она лет пять, и маму не застала. Но, конечно, наслышана.

Я взялась за яичницу – медленно, хотя уходила из съём-

ного дома без завтрака, и задумчиво. Дело даже не в том, что они быстро узнали, а в том, как быстро поспешили меня навестить. Слишком быстро. Я думала, вернусь домой, обустроюсь и сама в храм схожу – поблагодарить за всё, пообщаться, узнать новости...

– Силда Веснара, что-то случилось? – осторожно спросила я, когда яичница закончилась, и отодвинула тарелку. – Спасибо, очень вкусно.

– На здоровье, Маля, – и она наговором вытянула из кружки заварку, размешала чай. – Случилось. Во-первых, дом уже год как обитаем. Его не просто навещают. Здесь кто-то живёт. Кто-то, очень похожий издали на тебя, но, конечно, не ты. Тебя здесь не было двадцать лет.

– Да, – я кивнула. – Подведённые водяные жилы, прочищенные трубы, запас еды, живые цветы, насыщенный кристалл силы, свежие наговоры... Но поисковый наговор никого живого не нашёл. И паутина затягивала весь первый этаж, и дом внизу непрогретый.

– Только внизу, а выше ты не проверяла, так? – прозорливо заметила силда Веснара. – А кроме того, дом древний. Он полон тайников, закрытых от любой силы, – недаром же здесь выросло не одно поколение зрителей храма Небытия, да и ремесленников хватало. И живёт здесь либо твой родственник, который не умеет пользоваться амулетом и поднимать защиту, либо чужак. И год – это самое малое. Вероятно, защиту перед отъездом снял сам Долган, чтобы

впустить в дом кого-то своего, а амулет-ключ ему не оставил. Но лишь год назад мы заметили приходящего чужака, проверили наличие родовой защиты и установили за домом наблюдение.

– А во-вторых? – я тоже взяла кружку и ложкой с наговором собрала заварку.

– Твой отец рассчитался не со всеми долгами, – прямо сказала соседка. – Городская Управа давно мечтает заполучить ваш дом. Там полагают неправильным, что он, столь большой, принадлежит одной маленькой семье. И неважно, Малья, что он всегда полнился учениками и подмастерьями, что твои старшие родичи помогали малоимущим семьям, обездоленным, сиротам и потеряшкам – давали крышу над головой, кормили, отогревали, учили и помогали освоить ремесло. Неважно. Важно, что вы – маленькая семья. А сейчас ты вообще одна. Когда твой отец погряз в долгах, Управа выкупила часть его обязательств и сделала всё, чтобы никому не позволить оплатить долг. Но знаем об этом только мы.

Глава 2

– Она не имеет права!.. – возмутилась я. – Если человек хочет отдать долг, Управа обязана принять деньги!

А сердце ёкнуло. Где я – и где Управа?.. Раздавит же и не заметит...

– Она имеет возможности и знает сотни законных лазеек, – невесело усмехнулась силда Веснара. – Приходит должник с деньгами – а нужных людей на месте нет. Он час, два, три ждёт – а люди заняты. Некогда им. Работников не хватает. И так Управа может тянуть до бесконечности. Долган полгода пороги обивал – бесполезно. Нужные люди всегда отсутствовали. Он написал поручительство в храм Бытия, оставил им деньги и уехал. Но и для служителей храма Бытия, как только звучало имя Долгана, нужных людей не находилось. Ни одного за несколько лет. В конце концов Кремен не выдержал и самолично явился – не помогло. Управа даже нас теперь не боится. Представляешь, как сильно она хочет заполучить твой дом?

– Твари... – зло выплюнула я и яростно вгрызлась в сырную булочку.

И внутри всё забурило, словно готовое выплеснуться на паутину зелье. Только добавь наговор... а нельзя. Мне тут жить – пока. Вот если я решу переехать, если рассчитаюсь с долгом, можно мстить. А пока... Пока Управа не позво-

лит продать дом с обременением. А сбегу – насчитает такую неустойку, что меня ищейцы на любом краю мира найдут с увлекательным предложением: или дом за бесценку Управе продавай, или тюрьма.

Кстати, странно, что силд Кремен вступился за отца. Он же бросил жену в беде – он предатель для храма. Интересно, как отец нашёл подход к нашему старшему зрителю?

– Мы хотя бы сняли с тебя оплату неустойки, – соседка глотнула чаю. – За все эти годы. Доказали, что Управа сама тянула с расчётом, а ты о долгах отца ничего не знала, связи с ним не имела и ни разу за двадцать лет не появлялась в Сером городе. Ты до сих пор должна вернуть лишь начальную сумму. Она полностью собрана и ждёт тебя в храме Бытия на Третьем уличном витке. Дело за малым – заставить Управу взять деньги и подписать бумаги об уплате долга. Теперь, когда ты вернулась, шансы есть. Управцы будут или «отсутствовать», или запугивать... Но они не знают, что ты такое, Маля. Да?

Я усмехнулась. Это внешне я обычная – серые глаза, светлые кудри, курносый нос, невысокий рост, ремесленные штаны на подтяжках... Годы борьбы и с безумием матери, и с жизнью – за право остаться ремесленником – превратили меня во всё то же злое бурлящее зелье, готовое спалить что угодно, любую преграду, лишь бы спасти маму, выжить и остаться собой. Но зелье терпеливое – без терпения ремесло не освоить даже на уровне ученика.

– Я готова, – сказала коротко. – Мой дом никто не получит. И если захочу продать, то сама и за те деньги, которых он стоит.

– А мы поддержим, – болотные глаза силды Веснары заискрились. – Управу давно пора поставить на место – слишком много на себя взяла. Забыла, что сначала мы – как носители изначальной древней силы и смотрители первородных стихий, а лишь потом они – со своими бумажками и запросами. Мы всегда рядом, Маля. Были, есть и будем.

В приоткрытую дверь сунулся Горюша, возбуждённо пискнул и исчез. И соседка змею не удивилась.

– Помощники, да? – я подняла брови. – Питомцы? Вы узнаете обо всём через Горюшу?

– Мы же позволили ему остаться, – её губы дрогнули в улыбке. – Конечно, и с пользой для себя тоже. Горюшка с удовольствием съел и носит в себе амулет «моста» – от тебя к нам и от нас до тебя. Если что, пользуйся. «Мост» рассчитан на двух человек – его сотворили, чтобы смотритель мог в опасный момент быстро доставить в храм твою маму, но ты справилась сама. И Темнара, мир её праху, ушла в здравом уме и во сне. И да, Маля, – тон силды Веснары неуловимо изменился, став деловитым, – нам нужны «ловцы». Три штуки.

На стол лёг тяжёлый денежный мешочек.

Начинается самое интересное.

Мы говорим, что помогаем друг другу как семья, а семья –

это взаимность. Взаимопомощь, взаимовыручка и взаимопомощь. Чем охотнее и полезнее я помогу зрителям, тем серьезнее они будут защищать меня и стоять за мои интересы.

– Какие именно «ловцы»? – осторожно уточнила я и взяла вторую булочку. – Вы же знаете, простые делаются до месяца и хватает их максимум на полгода, в зависимости от того, сколько в человеке силы Небытия. Чем её больше, тем быстрее «ловец» разрушается. А если нужны сложные амулеты для сложных случаев, то один «ловец» – это полгода работы.

– Важны не сроки, важно наличие, – заметила сирда Веснара. – Ты придумала «ловцов» для мамы, и делать их можешь только ты. У нас трое ребят готовятся покинуть храм, и по нашим наблюдениям они на грани. Но крепкие – держатся и безумию не поддаются. Для начала хватит и слабых амулетов. Мы присмотрим за ребятами и сообщим, если понадобятся другие «ловцы». Но вот кому точно понадобится сложный амулет, так это твоему новому соседу.

Мы вернулись к тому, с чего начали, – с соседей. И начали явно не просто так – чтобы разговор завязался.

Я допила чай и деловито поинтересовалась:

– Кто такой? И зачем ему сложный «ловец»?

– Помнишь семью Крихов? – сирда Веснара встала, чтобы согреть чай и убрать в сумку грязную посуду. Взамен на столе появилась корзинка с красными ягодными конфетами. – Семья с год как разъехалась: старики отбыли в длительное путешествие на материк, а их дочь, Наднара, второй раз вы-

шла замуж и переехала на соседний остров, в Бусгород. Зато в начале осени в отчий дом вернулся сын Крихов.

Я едва не выронила булочку:

– У Нады есть брат? Близнец?

Иначе бы мы о нём знали. А мы считали Наду единственным ребёнком. Только мама, конечно, знала, но она тайны из храма не выносила никогда. Близнецы – одна душа на двоих. И младший близнец – ребёнок с осколком души, большая часть которой достаётся старшему, – до взрослого возраста живёт в храме Небытия. Пока ему не помогут «вырастить» из осколка цельную душу. А раз соседи молчали о сыне – значит, не хотели, чтобы о нём знали. И мы не знали.

– Да, – кивнула силда Веснара, вернувшись за стол. – Очень тяжёлый случай – едва-едва парня вытянули. Нас иногда за это осуждают – дескать, заклеимило же Небытие, не мучайте. Но мы вытягиваем. Уйти всегда успеется, а вот пожить можно не успеть. И мы даём шанс всем, даже сложным ребятам. Даже очень сложным. Бреннар – как раз такой. Сложный. Безумие его не коснулось, душа сейчас цельная, но ещё с полгода он под надзором своего старшего смотрителя. На всякий случай. Поэтому ему очень нужен «ловец» – от нас же несёт смертью и Небытием, нас боятся, от нас шарахаются. Без «ловцов» ребятам сложно обустроиться в мире, найти дело по душе, обучиться.

– А в храме он прожил тридцать шесть лет, то есть Небытием пропитался серьёзно, – я задумчиво отщипнула от бу-

лочки кусочек, прожевала и напоямила: – Сложный «ловец» на расстоянии не делается. Простых я вам хоть сейчас десять штук продать могу – у меня всегда есть запасы востребованного. Времени-то свободного больше, чем заказов. Ну а сложные... Нужны расчёты излишков силы, кровь, примерки, снова расчёты... Но, конечно, сделаю. Что-то ещё?

Больно подозрительно соседка улыбалась.

– Присмотри за ним, – просто попросила она. – Не в службу, а в дружбу. К ремеслу привлеки, если получится заинтересовать. Это самое страшное, Маля, – не иметь интересов. Ему бы просто понять: каково это – когда ты чем-то заинтересован, горишь и вкладываешь душу. Что вкладывать у парня есть, а вот куда – нет. Не в службу, клянусь. У тебя сейчас своей мороки хватает. Но если получится познакомиться и по-соседски заприятельствовать... Присмотри. Покажи. Подтолкни. Он же наш.

Ну да, признала я и зажевала булочку, запивая её горячим чаем. Наш.

– И последнее, – силда Веснара придвинула ко мне и булочки, и конфеты. – И тоже срочное, Маля, поверь. Иначе бы я позже пришла. Шутнар ещё не начал расследование гибели твоего отца?

– Понятия не имею, – я пожалала плечами и взяла конфету. – Может, и начал, но пока от себя, а не от ищейского отдела. – Есть момент, о котором не знает никто, даже Шутнар, – она обняла ладонями кружку. – За год до отъезда Долган

прошёл посвящение в смотрители храма Небытия. От отчаяния первым делом – чтобы и с долгами рассчитаться, и помощью Кремена заручиться. Но скорее всего, не только.

Я отложила конфету, *понимая*.

– Он не мог умереть от переработки, – я поёжилась и запахнулась в плащ. – Вы же сбрасываете излишки силы на отходных столах в обязательном порядке. В отце просто не могло быть столько силы, чтобы случилась переработка.

– Вот именно, – силда Веснара склонила голову. – Не могло. Его убило что-то иное. Шутнара в тот год не было в Сером городе... а те, кто знал о посвящении твоего отца, – кроме нас, – мертвы. Тоже. Он рассказал всего четверым своим друзьям. Мы и за ним следили, Маля, – как за неблагонадёжным. Здесь, в Сером городе, о службе Долгана знали лишь четверо друзей-ремесленников. Все ушли в Небытие в течение полутора лет – странным образом тоже от переработки. Сразу после отъезда Долгана.

Я невольно сглотнула.

– Вы считаете... это связано?..

– Мы – смотрители храма Небытия, не ищейцы, – напомнила она. – Мы наблюдаем, а выводы пусть делают обученные люди. Расскажи Шутнару. И направь его ко мне за пояснениями. Или сразу к Кремену. И будь осторожна, Маля. Ты – наследница отцовских тайн. Во что-то Долган ввязался с этим своим таинственным проектом. Что вынудило его бежать, запретить смотрителю кладбища сообщать о смерти

близким... и, скорее всего, убило.

И, вероятно, не только его. Ношт, а... Я ещё даже уборку не сделала и с Управой ни разу не поругалась, а тут такое...

Силда Веснара допила чай и предупредила:

– Маля, не уходи в тень. Пиши подробный запрос и будь в курсе расследования. Чтобы Шутнар докладывал тебе о каждой мелочи. Мы тоже напишем, как только ищейцы откроют дело, – но и ты не отставай. Поверь чутью бывшей старой ищейки. Ты уже в деле. Поздно прятаться. Но пора узнавать.

Я пришибленно кивнула.

– Прости, что вывалила на тебя всё и сейчас, – мягко попросила она. – Тебе как за уборкой думается?

– Я и без неё неплохо соображаю, – мрачно отозвалась я. – Силду Шутнару пишу немедленно – заодно и дом пусть обыщет. Вдруг найдёт... кое-кого. Или хотя бы следы. В Управе мне одной лучше не появляться. И все отцовские тайны... – я помедлила и тихо спросила: – А только ли дом понадобился Управе – как... будущий гостевой дом? Только ли как средство для заработка? Не нужны ли ей... те самые отцовские проекты? Которые скрыты где-то здесь? А ещё вы заметили, что Управа – вдруг – перестала вас уважать. Почему?

– Ты задаёшь правильные вопросы, Маля, – негромко сказала силда Веснара. – Но рано. И не тому человеку. У нас есть лишь несколько событий, которые пока связываются в цепь на уровне предположений. И всё.

Я медленно допила чай и посмотрела в пустую кружку:

– У отца было много друзей – гораздо больше четырёх. Из тех, с кем он делился мыслями, у кого не стеснялся спросить совета. Кого он мог посвятить в свои тайны. Кто не живёт в Сером городе, но бывает проездом. По делам. Я помню человек десять – они же всегда останавливались у нас.

– Да, – соседка кивнула. – И это тоже. Маля, найди время встретиться с Кременом. И с Речаной – на её имя твой отец написал поручительство и ей оставил деньги для уплаты долга. Речана – старший смотритель храма Бытия, Третий уличный виток. А остальное ты знаешь. Суть я объяснила. Если появятся вопросы – всегда отвечу. Мелочи, думается, тебе пока не нужны. И обязательно напиши ищейский запрос.

– Конечно, – я всё-таки взяла конфету, сунула за щёку, распробовала. Необычная, кисло-сладкая. Вкусно. И, пригнув корзинку, начала уплетать конфеты одну за другой. Быстро. Нервно.

Силда Веснара посмотрела на меня сочувственно, встала и закуталась в плащ:

– Кремен закрепил тебя за мной. Чуть что, Маля, пиши. В Управу сходить. С домом помочь. Странность заметишь. Уговор?

Я кивнула, проглотила очередную конфету и спросила:

– А переночевать у вас можно? Если вдруг не успею с уборкой?

– О чём речь? – она улыбнулась. – И даже если успеешь, можно. И накормлю всегда, – силда достала из кармана пла-

ща амулет-монетку. – «Мосты» по городу. На пару месяцев хватит, а после...

– ...сама сделаю, – я вытерла руки полотенцем, тоже встала, поправила сумку и застегнула плащ. Пригладила выбившиеся из косы кудри и набросила на голову капюшон. – Провожу.

И немного пройдуся. На ходу мне особенно хорошо думалось – и новое сочинялось, и старое по полочкам раскладывалось.

Мешочек с деньгами я сунула в карман плаща и уточнила:

– «Ловцов» сейчас прислать или позже?

– Позже. Не горит, – силда Веснара открыла дверь и первой вышла в сад. – Разберёшь вещи – или мне отправь, или Кремену. Пока – три штуки.

...а соседу самой отдать? Так себе повод для знакомства.

Я затворила дверь, спустилась по ступенькам и невольно глянула в сторону дома Крихов.

Сергород строился улиточной ракушкой – улицы-витки раскручивались от центра острова спиралью: от коротких управских улочек с десятком зданий до длинных-длинных витков припортовых особнячков с огромными садами и трущобных домишек в портах и на островных отмелях. Чем ближе к центру, тем богаче люди – и их дома, и их лавки. Но обязательно на каждом витке находилось несколько гостевых домов: вдоль побережья – больше, в центре – меньше. На нашем Двадцать Втором витке гостевых дома было

три, то есть, исключая мой, два. Остальную территорию занимали небольшие и совершенно одинаковые серые двухэтажные дома с остроконечными крышами. И одинаковыми же каменными оградами, расстояния между которыми едва хватало на узкую тропку.

Дом Крихов прятался за высокими вековыми деревьями – уже облетевшими, но с пышными кронами. Вот уж новость так новость... И странно, что соседи скрыли сына. Ничего постыдного во втором близнеце нет. Не верили, что ребёнок выкарабкается, раз случай сложный? Предпочли сразу забыть, чтобы потом не было слишком больно терять? Или это для меня – с семейным смотрительским воспитанием – не стыдно, а для кого-то позор?

Всё равно неправильно. Нельзя бросать своих.

В саду силда Веснара вернулась в свой восклицательный образ, прощбетала что-то про скорые туманы и зимние шторма, радушно пригласила на обед и полетела домой – быстро пересекла широкую, мощённую известным серым камнем дорогу, мимолётно поправила почтовый ящик у калитки, открыла её и исчезла из виду. Я в три шага вышла к дороге и скептически осмотрела свой почтовый ящик (покосившийся и порядком облезлый), укрытые палой листвой скамейки, фонарные столбы с потрескавшимися колбами – и молча вернулась обратно.

Потом. Придомовая территория – потом.

В грязном окне замельтешил мой питомец.

– Горюша, открой на первом этаже окна, – попросила я. – Везде. Пусть провертится, а то паутиной воняет... Кстати, а везде воняет или только в коридоре? Везде, кроме библиотечных комнат? Наверху тоже? Нет, потайные коридоры изучим позже. Мне ещё надо вспомнить, где они находятся и как снимать с них защиту. Их же от нас, детей, наговорами запирали. Да, и двери в ванные комнаты и кладовки тоже открой. А как закончишь с тайниками, дай знать.

Древнее чудо смотрителей храмов – связывать души для общения даже на больших расстояниях. Правда, говорил Горюша картинками и писком, но за десять лет бок о бок я и его писк научилась понимать.

Змей кивнул и исчез, а я сунула руки в карманы и побрела по саду.

Познакомиться с соседом хотелось до смерти, я даже поймала себя на том, что, проходя вдоль ограды, ищу поводы – попроще и поестественней. Послучайнее. Но смотрители такое чувят. Неважно, чему они служат – Бытию или Небытию, – в чужих душах копаются с одинаковой сноровкой. Нет, пусть сведёт случай. Нельзя начинать знакомство со лжи. И правду выкладывать с порога не дело. Меня о чём попросили? Запрятельствовать.

Значит, случай.

Обойдя пару раз вокруг дома и взбодрившись (отдельно – видом запущенного сада, укрытого толстым слоем коричнево-рыжей листвы), я вернулась на веранду. С удивлением

отметила, что роза по-прежнему не захватывала окна, разворошила в очаге огоньки и сунула за щёку последние две конфеты. Села за стол, вытянула из сумки пару листов бумаги и грифель.

Ну, силд Шутнар, ищите.

Едва исчезло письмо, прилетел Горюшка. С радостным писком обвил моё предплечье и ткнулся острой мордочкой в ладонь: я, мол, всё сделал, гладь меня, я же хороший!

– Ты лучше всех, – заверила я, почесав змея кончиками пальцев между плавниками.

Когда-нибудь я подберу ключи ко всем сковывающим наговорам и помогу тебе стать собой – настоящим. Огромным, морским, гордым и бесстрашным. Обязательно. Пока я подобрала ключи лишь к десяти из тридцати семи «запретов», а для остального не хватало обычного – времени. Ну и заодно опыта и мозгов.

Змей запульсировал от удовольствия и тихо закурлыкал.

– Ну, пошли посмотреть на твои находки, – я убрала в сумку писчие принадлежности и встала.

А перед уходом заперла веранду – на защёлки и наговорами. Не дело это – дом нараспашку. Провожу ищейца – и защиту восстановлю повсюду: и на калитке, и на доме.

В коридорах похолодало, зато противный паутинный запах почти выветрился. Я наговорами закрыла все окна и вытянула из подсобки огоньки.

– Горюш, ты шустрый, разгоняй их по комнатам, – и стро-

го напомнила: – Но не есть. Ни одного больше, я замечу.

Змей фыркнул и сияющей синей звездой помчался по коридорам, расчерчивая воздух мерцающими полосами. Длинная вереница огоньков протянулась за ним, стремительно редея, – Горюша добросовестно залетал в каждую комнату, даже в кладовку. А я шла следом, вела рукой по стене и шептала утепляющие наговоры. Не то возле кристалла ночевать придётся.

Или всё-таки в гостях? У соседа? Повод, да. Конец осени, предзимний холод, заброшенный дом... Ладно, мне до жути любопытно. И очень нужно. Сложный случай – это всегда изобретение и почти всегда редкие материалы, и во мне всё кипело в предвкушении интереснейшей работы. Всего-то три изобретения надо. Ну ни о чём же.

С одной поправкой: изобретения должны быть либо полезными большинству людей, либо жизненно важными. Не то хоть заизобретайся, так и просидишь всю жизнь в подмастерьях. Или плати деньги. Много. Очень. Бесплатно ремеслу учат только у своих родичей или по доброте душевной. И то – перспективных, но всё равно детей.

«Много» у меня не было. «Очень» – тем более. Как и родичей. А искать душевную доброту в расчётливых ремесленниках, которым даром не нужны умные соперники, глупо.

Возьмём другим.

А в смотрительство – нет, ни ногой. Служить же придётся – минимум пять лет. А я пропитана Небытием с рождения.

Даже эти пять лет могут стоить мне разума. Спасибо, обойдусь.

Я заглянула в спальный коридор, оставила на стенах прогревающие наговоры и отправилась в кухонный. Вслушивалась в свои шаги, в писк Горюши – и меня накрывало запоздалым и лютым ощущением пустоты.

Дом не просто вымер – он умер. Погиб от одиночества, когда его все бросили. Здесь же всегда жило так много людей... Семьи, которым родители давали кров, знания и работу; дети, которых забирали из приютов или с улиц – и которым тоже давали кров, знания, а после работу; бесконечные родительские друзья, надолго оседающие у нас целыми семьями... В мастерских всех этажей кипела работа, в библиотеках учились старшие дети, по коридорам и саду носилась малышня... Две-три пустующие спальни – редкость, даже комнаты кухонных коридоров служили гостевыми спальнями. И дом жил – вмешивался в рабочие разговоры взрослых, смеялся вместе с детьми, убаюкивал самых маленьких...

Часть обитателей разбежалась, когда узнала о безумии мамы, – и правильно, в общем-то, сделала: до «ловца» мама была опасна. Она впадала в ярость и рвалась карать «нечестивцев». Единственный человек, которому мама не могла навредить, – это я, кровная родственница. Естественно, нам пришлось уехать. Одно убийство «нечестивца» – и всё, маму отправили бы на казнь как особо опасную чудесницу. Но я верила, что смогу ей помочь, – и я смогла. А остальные наши

постояльцы разбежались, видимо, из-за отца и его странных разорительных проектов. Или по иным причинам.

Сейчас дом напоминал древнее, давно сметённое бурей дерево – огромный ссохшийся остов зиял пустыми дуплами, отовсюду сыпались грязь и труха, и ни одной живой души поблизости... Удастся ли вдохнуть в него жизнь? Не знаю. Для начала дом нужно отбить у Управы.

Проходя по коридорам, я изучала все комнаты и везде встречала до слёз знакомую обстановку – каждая вещь на своём месте. В какие бы долги отец ни влез, он ничего не тронул – ни одного стула. И даже три дальние кухни по-прежнему оставались переоборудованными под спальни – как тогда, когда мама ещё служила в храме, а дом гудел от нашего многоголосья.

Ношт, разревелась всё-таки, хотя казалось, меня уже давно ничем не пронять... И так жалко... Маму, дом, разом лишившихся крова и дела работников, деток... Только себя мне никогда не было жаль. Я бы снова сделала тот же выбор – и снова выбрала бы спасти близкого человека.

На кухню я шла, сердито шмыгая носом. Заглянула в уже заполненную огоньками и жутко грязную обеденную, хмуро посмотрела на длинный стол в центре и несколько небольших круглых столиков по углам, снова едва не пустила слезу и быстро попятилась, закрыла проём шторой. Горюша сложил свои находки на кухне – в ближней к основному коридору комнате, где только готовили и перекусывали, – вот ту-

да и идём.

Змей уже ждал меня в кухонном дверном проёме, возбуждённо шелестя плавниками. Я наложила на стены быстрые утепляющие наговоры, шагнула на кухню и замерла. Длинный и узкий разделочный стол, стоящий посреди кухни, от края до края заполняли сундуки, мешочки, папки и свёртки. И едва умещались, сложенные горками. Высокими.

Вот это да...

– Горюш... – я запнулась. Отец всегда был заначливым, но чтобы настолько... – Где твоя доля добычи?

Питомец с писком нырнул в мешки. Отчётливо зазвенело, и змей вынырнул с золотой монетой в пасти. И состроил глазки: ну можно, можно?.. А раз я всегда отдавала ему самое насыщенное силой...

– Бери, – разрешила я севшим голосом, понимая, что монета там не одна. Золотая – не одна. – Сколько лет этому тайнику?

Горюшка заглотил монету, сыто икнул и закружился. Синие полосы сложились в цифру – двенадцать.

Двенадцать. И снова я чего-то не понимаю. Двенадцать лет в тайнике ждало своего часа золото. Отец утопал в долгах – и не тронул тайник? Но он всегда именно на такие случаи и создавал тайники. Любил спускать большие суммы, а потом страдал, что ему то на опыт не хватает, то очередной ремесленник уходит из дела, всё распродает, а денег нет. И тогда мама придумала тайники: прячь часть сразу, как зара-

ботаешь, и забывай до поры до времени. И отец прятал, чтобы после вложить деньги в нужное дело.

Если он погряз в таких жутких долгах, как все рассказывали, почему уцелело золото двенадцатилетней давности? Или мне не то рассказывали, или... большие долги – просто слухи.

Я успела перебрать с десятком сундучков-мешочков и убедилась: денег хватало. Даже с тем, что я нашла сейчас, можно год не работать и изобретать. Год – в дорогом Сером городе.

Год!

Не хранил же отец деньги для меня. Это глупо. Если бы хотел завещать – завещал бы. Просто – через Управу. Или через храм Небытия как последнее место работы. Или схоронил бы всё добро в одном домашнем тайнике – зная, что я найду необходимое. А деньги, как обычно, распределялись по десяткам тайников в обычном же отцовском порядке: сколько надо отложить от заработка – столько он и откладывал. И забывал о нём, создавая для следующей заначки другой тайник.

Предупредительно звякнул колокольчик, а спустя минуту скрипнула входная дверь. Горюшка с писком рванул встречать гостя, а я утрамбовала все найденные деньги в один сундучок. Решимость не брать от отца ни медяка слегка пошатнулась. Год на изобретения... Если я не буду отвлекаться на мелочи и думать, как заработать на кусок хлеба, то мне хватит.

Нет, сначала я выполню заказ силда Шутнара и порабо-

таю на храм Небытия. Попутно перечитаю свой справочник для идей и обдумаю намеченные изобретения. Если всё сложится, то отцовские деньги я пожертвую храмам. Если нет... Посмотрим.

– Доброе утро, Маля, – старый ищеец заглянул на кухню и удивлённо хмыкнул: – Ничего себе!

– Это ещё не всё, – я открыла «ледяной» сундук с замороженными морскими гадами. – Доброго, силд. Вы разве не знали, что мой дом год точно без защиты и обитаем? А то и больше.

– Были предположения, но сам не проверял, – честно ответил силд Шутнар и бросил острый взгляд на сундук. – Ещё и поэтому, Маля, я настаивал на твоём скорейшем приезде. И скорейшем же осмотре дома. Мы не имеем права ходить по чужим домам без открытого дела. Ты же не успела убраться?

– Немного поправила обстановку, – я захлопнула крышку сундука. – Скорила своему питомцу несколько огоньков силы и разнесла их по первому этажу, убралась на веранде, добавила утепляющих наговоров, вскрыла отцовские тайники. И прогнала паутину – она затягивала весь первый этаж, кроме библиотечного коридора. А вот шторы, растения, насыщенный кем-то кристалл силы, наговоры в библиотечном коридоре и вода на своих местах. Зря вмешалась и вас не дождалась?

– Плох тот ищеец, который не умеет отделять одни следы от других, – силд Шутнар улыбнулся. – Спасибо за сведения.

Осмотрюсь с твоего позволения.

– Я присутствия чужака не заметила, – сообщила на всякий случай. – Но мне кажется, дом обитаем.

– Дай мне полчаса, – попросил старый ищеец из коридора.

Пока он осматривался, я приспособила ближайший же большой свободный сундук под схран. Уменьшила Горюшину добычу и своё имущество, уложила всё в сундук, накрыла защитными наговорами и на всякий случай воткнула в щель под крышкой тонкую иглу с наговором Небытия от чужих рук. Мама, переживая, что я останусь без защиты, в моменты просветления сотворила для меня много полезных вещей.

А теперь... всё-таки Управа. Надо сейчас же обозначить своё присутствие, чтобы Управа не насчитала неустойку. И поскорее вступить в наследство – ибо родня. Не говоря уж об управских планах на мой дом. И готовиться, видимо, ночевать у порога. Но сейчас есть шанс застать Управу враспloch – вдруг им ещё не донесли, что я вернулась.

Но сначала – заглянуть в архив и почитать городские законы, вплоть до самых первых. Не может быть, чтобы управских нечем было прижать. Мама рассказывала, что в законах есть всё – и на все случаи жизни. И, кстати, в храме Бытия за столько-то лет, поди, нашли нужное – не одна же я такая умная.

Ношт, как же в мастерскую хочется, как же раздражают все эти законы, бумаги, долги и чужие хотелки...

С усилием задавив в себе острое желание бросить дела

и закрыться в мастерской на всю ближайшую жизнь, я почистила от пыли плащ и ботинки, ушла в ванную и умылась. Смела пыль с зеркала и всмотрелась в своё отражение. Привлеку ли внимание? Однозначно. Ибо, в отличие от серых-серых местных, я смуглая, а мои волосы давно не светло-серые, а белые, выгоревшие на солнце.

Серые острова входили в Северную гряду, и здесь всегда не хватало тепла и солнца, зато туманов, холодов и облачности – через край. А Ремесленные острова, напротив, входили в Южную гряду – и солнца, и тепла там в избытке. Первые два года я нещадно сгорала, а потом и кожа привыкла, и зелье подходящее изобрелось.

Я быстро переплела косу и снова всмотрелась в отражение. Да, на вид – и тридцати не дашь. А вот глаза – серо-седые, старые-старые. Плохо вы, силд Шутнар, в людях понимаете. Плохо разницу между «было» и «стало» видите. Застят ваш взгляд образы прошлого. А я под них подстраиваться не буду, как и под местных маскироваться. Хочу сохранить память о солнце и тепле на коже. Здешние зимы довольно паскудные.

Вернувшись на кухню, я перебрала сумку – тёмно-серая и потёртая, но очень удобная ремесленная сумка, удлинённая, с десятками карманов и широким ремнём через плечо, вмещала ровно сто один предмет любой величины. Перед возвращением домой я заполнила её на треть, и всё нужное (или важное). Ещё много чего влезет.

– Вот что интересно, Маля, – сидл Шутнар бесшумно возник в дверном проёме. – В доме нет никаких следов, кроме свежих ваших – твоих, питомца и Веснары на веранде. Даже старых следов твоих родителей и их учеников. Дом словно вымыли – даже тени следа не осталось. А шторы кто-то раздвинул и кристалл кто-то напитал, да? А самое интересное – стены наговоров в библиотечном коридоре. Они совершенно безликие.

– И это под силу только очень опытным старшим храмовым смотрителям, – я обернулась. – Мама рассказывала.

– Бытие, полагаю, – ищеец стряхнул с рукавов плаща пыль. – В храме Небытия до такого опыта сложно доработать и не сойти с ума. А кто дослужился, не будет от тебя прятаться. Либо же, Маля, ищейцы. Мы только такими, обезличенными, и пользуемся. Думается, Долган поручил кому-то присматривать за библиотекой, поэтому и снял защиту. Чтобы чужак мог беспрепятственно проникать в дом. Веснара передала что-нибудь для меня?

Я коротко рассказала. Услышав об отцовском смотрительстве, сидл Шутнар помрачнел, а его небритые впалые щёки задёргались – как всегда, когда ищеец чуял след. Порывшись в кармане плаща, он достал свёрнутые трубкой листы.

– Пиши запрос, Маля, – листы легли на стол. – Это заготовки запросов – выбирай самый подробный, вписывай имена и даты. И готово. Долгана убили. Пиши. Прямо сейчас. И я начну работать.

Внутри что-то болезненно дрогнуло – хотя, да, казалось, меня ничем не пронять. Но слишком уж большая разница между «умер от переработки» и «убили».

Я села за стол, нашла среди заготовок нужный запрос, внимательно его прочитала и вспомнила остальные запросы – да, это действительно самый подробный. Вытянула из кармана сумки грифель, заполнила заготовку и расписалась. Бумага едва заметно затуманилась.

– В Управу одна не ходи, – хмуро посоветовал ищейка, сгребая со стола свёрнутые заготовки запросов. – Вообще постарайся не бродить по городу в одиночестве. А при острой необходимости и отсутствии свободных друзей-приятелей перемещайся «мостами», ходи в светлое время и там, где много людей. Ты девушка умная и всё понимаешь, да? Собираешься в Управу? Или сначала в храм Бытия? Проводить?

Я подавленно кивнула. Как всё-таки убийство отца отразится на мне?..

Глава 3

На коротких уличных витках находилось четыре «мостовых» перехода – на севере, юге, западе, востоке; на длинных, ближе к берегу, их было восемь-десять. До тридцатого витка улицы считались короткими, и мы с силдом Шутнаром в молчании шли до южного перехода минут пятнадцать. По притихшей улице с одинаковыми, развёрнутыми «лицом» друг к другу домами, тусклой и серой-серой, но я не могла на неё насмотреться. Пройдёт время, и я – после ярких и солнечных Ремесленных островов – наверняка устану от однотипности и серости, но сейчас они согревали душу. Я соскучилась по родным местам.

Наконец впереди показалась арка – каменная, почти чёрная, изрезанная знаками, тонкая и воздушная. Она начиналась от фонарных столбов, поднималась выше домов и, как радуга, нависала над дорогой. Я достала из кармана амулет-монетку.

– Глупый вопрос, но я задам, – силд Шутнар посмотрел на меня с любопытством. – Помнишь, как пользоваться?

– Ремесленник ничего не забывает из того, что связано с собственно ремеслом, – я остановилась у арки. – А первые «мостовые» переходы, между прочим, изобрела и сотворила моя прапрабабка.

– Гениальнейшая женщина, – почтительно склонил голову

старый ищещ. – Светлая память.

А я только лет пять назад смирилась, что сильно отстаю в гениальности и от неё, и от отца. Хотя иногда хотелось доказать себе, что нет. И, выпрыгивая из штанов, на последнем издыхании изобрести что-нибудь невероятно выдающееся. Но, к счастью, чувства самосохранения во мне с избытком – благодаря маме. Когда у тебя на руках больной и беспомощный человек, который больше никому не нужен, волей-неволей научишься беречь себя. Даже в ущерб себе.

Ну и прощальные мамины слова тоже помогли понять и принять очевидное.

– Маля, тебе сложнее, – заметила она. – Каждому поколению ремесленников будет сложнее изобрести выдающееся, потому что очень много полезного уже сделано до вас. Это как с исследованием мира – каждому поколению путешественников будет доставаться всё меньше и меньше неизведанных земель. Но если ему на роду написано найти, путешественник обязательно отыщет неисследованный закуток. И если тебе суждено, то ты придумаешь. Обязательно. Обстоятельства сложатся и не оставят выбора.

А пока просто оттачивай мастерство и зарабатывай на кусок хлеба. Скучно, низменно и примитивно.

Горюша, почуяв силу, вынырнул из свободного кармана моего плаща и принялся к монете. Я показала ему амулет – обычный медяк – и строго сказала:

– Не трогать.

Змей понятливо пискнул и скрылся в кармане. Силд Шутнар проводил его внимательным взглядом, но смолчал. Я подняла голову, посмотрела на чёрный изгиб арки и шепнула нужный наговор. Фонари на столбах коротко полыхнули белым, и от арки вниз сползло облако – быстро, силд Шутнар едва успел поравняться со мной. Облако, сухое и тёплое, окутало нас с головы до ног и через мгновение расползлось, открывая Третий уличный виток.

И вроде бы ничего не изменилось – по левой стороне серели всё те же двухэтажные жилые дома с маленькими садами и невысокими каменными оградами. А вот по правую выросла стена из массивных и длинных четырёхэтажных зданий: крупный тёмно-серый камень, почти чёрные покатые крыши, подоконники и крылечки, коричневые плети высохшего плюща. Высокие костлявые деревья вместо оград. Вычищенная до черноты земля с серыми каменными тропами, ведущими к зданиям.

Разумеется, я сразу же вспомнила, где что находится. Напротив – управский гостевой дом в двух зданиях. Следом, вверх по витку на запад, – храм Бытия в трёх зданиях, а с противоположной от гостевого дома стороны – архивы. В двух длинных зданиях. Но солнце ещё высоко. Успеем.

Силд Шутнар попрощался и снова исчез в облаке перехода, а я поспешила к архивам.

– Полная боевая готовность, Горюшка, – прошептала я, натягивая на лицо капюшон. – Нам надо изучить законы о

наследовании до закрытия Управы. А она закрывается в семь вечера. Край в шесть мы уже должны сидеть в очереди.

Змей снова пискнул. Он научился читать, считать и писать силовыми полосами за седмицу и с тех пор очень мне помогал в справочно-книжно-бумажных делах. Особенно в быстрых поисках.

Улица казалась обманчиво пустой – пока не наступило время обеда. Но в окнах уже мелькали смутные силуэты, а из приоткрытых окон доносились разговоры. Ещё полчаса – и люди хлынут на улицу, затопят всё свободное пространство, спеша кто к аркам, кто к лавкам, обеденным и чайным Четвёртого витка.

Успею проскочить.

В архиве тоже было тихо – и тоже обманчиво: гостевые вешалки в длинном коридоре «пестрели» плащами и шляпами всех оттенков серого. Я еле-еле нашла свободный крючок, разделась, почистила наговором ботинки, глянулась в зеркало и пообещала себе первым делом распаковать платья – все три штуки. И больше не выходить в город в полудомашних штанах, рубахе и длинной жилетке, тем более синих и голубых цветов. Надо уважать цвет города (хотя я терпеть не могла тусклые цвета), да и себя показывать приличной женщиной. И не позорить славный древний род Духов.

Да, домика на краю полупустой деревни на маленьком островке мне будет очень не хватать...

Я перебросила через плечо сумку, наговором приглуши-

ла яркие цвета одежды и повернулась к зависшей в воздухе огромной гостевой книге. Она величаво выплыла из правого бокового коридора (архив, как и все здания Серого города, типовой и внутри точь-в-точь мой дом) и, открывшись, замерла. Я вытянула из-под корешка книги грифель и заполнила таблицу – имя, родовое прозвище, подпись, дата, цель посещения...

«Третий этаж, второй левый коридор, комната пять, стол восемь» – проступило в последнем столбце, и книга захлопнулась, обдав меня пылью.

Я чихнула, поблагодарила отцов-творцов и поспешила к лестнице.

Справочники с законами архивариус уже подбирает и складывает стопками на стол номер восемь. Но вот искать за меня он ничего не будет. Дальше – сама.

Горюшка воинственно пискнул из кармана сумки, в который он успел перебраться, пока я расписывалась в книге. Извини, мой хороший. Да, дальше сами. Но ты сильно не мелькай. Вспомни, как на тебя люди реагируют. Каждый третий глупо тарашится, каждый второй интересуется, сколько стоит, а каждый первый внезапно вспоминает, что пора бы перекусить.

Ну а я морских змеев давно не ем. Ибо.

Третий этаж наполняли запах и шорох страниц. Пахло и старой бумагой, и немного пылью. Куда ни глянь, в сумрачном воздухе дрожали и рябили противопыльные наговоры.

А шелестело, казалось, даже за серыми шторами и под потолком. И удивительно слаженно. Словно все работающие в архиве люди одновременно переворачивали страницы.

Я свернула в нужный коридор, быстро отыскала свою комнату и заглянула за штору. В Сером городе двери отчего-то не любили – здесь во всех домах вместо межкомнатных дверей использовали шторы. Исключение – то, что надо запирать: входная дверь, балконы, ванны, иногда кабинеты и лестничные пролёты, поскольку вторые этажи часто сдавались внаём и имели наружные лестницы. Остальное – или шторы, или ничего.

Комната состояла из лабиринта из пронумерованных перегородок, за которыми шуршали страницы и поскрипывали грифели. И ни одной книги, если не считать пустые справочники на подоконниках и многочисленных полках. Из высоких окон лился серый свет, а под потолком и над перегородками парили гроздь ярких огоньков.

– В бой, – шепнула я и, прихватив с полки пару справочников и пучок отточенных грифелей, ринулась за свой стол.

Это только кажется, что времени ещё много. Закопаешься в толстые древние книги – глазом моргнуть не успеешь, как услышишь предупреждающий о скором закрытии звон. Я посмотрела на ходики, отмечая начало второго, и отмерила себе три часа. И кровь из носу за это время нужно всё найти.

Подумать только, каких-то три дня назад я работала в ма-

стерской съёмного дома и знать не знала, что вернусь... А уже и вернулась, и даже по Серому городу по делам бегаю. И словно бы не уезжала, так всё щемяще знакомо...

Горюша предупреждающе зашипел. Да, ты прав. Каждая минута на счету – не до воспоминаний. Я разделила справочники на две стопки, и мы с питомцем дружно зашелестели страницами, просматривая списки законов. Первая треть – списки, две трети – пояснения. Пока, Горюш, списки. Нужен закон, по которому Управа не посмеет отделаться от меня ни под каким предлогом. Даже под угрозой закрытия, болезни всех сотрудников или туманного шторма.

Змей довольно пискнул первым – нашёл. Я взяла его справочник, просмотрела пояснения, шёпотом похвалила и быстро сделала оттиск – наговором перенесла записи из книги на чистые страницы. Отложила справочник в сторону – оттиски ещё заверять, – и вернулась к своей стопке. С досадой отметив, что Горюшка и шустрее, и соображает быстрее: пока я просматривала один справочник, он успевал изучить два.

Когда ходики прозвенели четыре дня, я отложила последний справочник, взяла три нужных и помчалась вниз заверять оттиски. Целых три закона – один хлеще другого! Пусть теперь попробуют извернуться! И если смотрители храма Бытия ничего подобного не обнаружили, то я не пожалею времени, переверну все городские архивы и найду тот закон, по которому мне не посмеют отказать в уплате долга. Причём в немедленной.

Но почему всё-таки отец столько задолжал – и не коснулся тайников? Сбегая по лестнице, я снова вернулась к этому вопросу и подумала, что варианта два. Или он не смог вскрыть собственные тайники (иногда такое случалось), или не в деньгах нуждался. А в связях, знаниях и редких материалах. Если я правильно помню традиции Сергорода, платой за оказанную услугу тоже была расписка с условной суммой, только после могли потребовать совсем не деньги, а ответную услугу.

Куда же он влез?.. Что за таинственный проект придумал?..

Надо бы мне побыстрее возвращаться в Серый город – по-настоящему. Я очень многое забыла за ненадобностью, а ведь наверняка часть отцовских загадок разгадать просто – достаточно вспомнить наши негласные законы. А с остальным помогут законы отцов-творцов.

Архивариусы работали во всех четырёх коридорах первого этажа, и к ним образовались очереди. Я порыскала по первому этажу, нашла самую короткую и скромно пристроилась в хвосте. Всего-то пять человек передо мной. Заверить оттиски – дело пары минут. К пяти мы уже должны быть в Управе.

К счастью, Сергород – не деревня, и приезжих, несмотря на пугающую легенду о чужаках, здесь хватало. На меня никто не обратил внимания. Я с облегчением выдохнула. Нет, встретить знакомого и застрять в беседе мне сейчас никак

нельзя. Потом – да, я с удовольствием разыскала бы пятёрку своих старых приятелей. Единственных, кто очень долго, лет семь после моего отъезда, мне писал.

– Не сердись, – посоветовала мама, когда письма перестали приходить совсем. – У них просто началась взрослая жизнь – работа, семьи, дети... А главное, связи истончились. Скорее всего, никто из твоих ребят не пошёл в ремесло, вот и говорить не о чём.

И я не сердилась. Но всегда мечтала, что однажды вернусь и найду всех, кто меня не забыл. И, может, и надо было вернуться раньше, но – работа. На Ремесленных островах её гораздо больше. А если бы вернулась?..

Из кабинета вышел странноватый парень – мелкий, худой, скособоченный – и глянул на меня волком. Точно я перед ним в чём-то провинилась. Я сделала вид, что не заметила, и юркнула в кабинет. Поздоровалась со старушкой-архивариусом и выложила перед ней справочники с закладками в нужных местах. Пожилая сидда грустно вздохнула и взялась за проверку, а я снова посмотрела на ходики.

Должна успеть. Должна.

Старушка расписалась и поставила печати архива на всех оттисках, а справочники привычным наговором отправила обратно на книжные полки. Я быстро поблагодарила и ещё быстрее выскочила из кабинета. Да, это только кажется, что времени много. Если очередь к нужному управцу окажется длинной, меня не запишут на приём. И наверняка опознают

– и всё, Управа для меня закроется навсегда. Даже в наследство не дадут вступить, про долг вообще молчу.

Если, конечно, нацелились на мой дом.

– Горюш, раз уж ты связан со зрителями, дай им знать, что мы идём в Управу, – я набросила на плечи плащ.

Хотя вряд ли присутствие зрителя поможет лучше законов. Если уж Управа силда Кремена не испугалась... Но с ним на меня точно не посмеют накладывать порчи вроде послушания или подчинения. Вот чего боялась силда Веснара – одной порчи хватит, чтобы я подписала, например, отказ от наследства, полагая, что по доброй воле действую и к Управе вопросов не имею. Или *забыла*, зачем пришла – на пару лет на всякий случай.

Никто, правда, не знает, на что способно наше родовое Небытие и какие амулеты мне достались от мамы – среднего зрителя храма Небытия... И пусть не знают. Мне полагалось вернуть амулеты в храм, но нет. Не отдам до последнего. Это тоже мой пропуск в мир мастеров. Раз не получается изобретать новое, я буду переделывать известное в узких кругах под то, что могут создавать простые ремесленники и использовать обычные люди. Ну и в остальном пригодится.

Когда я выскочила из архива, на ходу застёгивая плащ, и сбежала по лестнице, за мной вроде как случайно увязалась тонкая лёгкая фигурка в тёмно-коричневом плаще. Я улыбнулась, натянула до глаз капюшон, прячась от ветра, и отправилась в Управу пешком – до Первого витка идти немно-

гим дольше, чем до ближайшего «моста». По каменной тропе мимо торца архива, мимо храма Небытия – и я на месте. Тень скользнула за мной.

Надеюсь, это посвящённый зритель, а не простой помощник. Подозреваю, в Управе не только защищаться придётся, но и нападать – по последнему закону и в самом крайнем случае.

Неужели долги отца отказывались принимать из-за ответных услуг? Всё-таки? А отец мог скрыть это от зрителей – вполне, если использовал запрещённые материалы без дозволения. И сбежал в итоге – не тянул обещанное и (или) попался на «запрещёнке». Но, да, меня это уже не касается. Я ничего не обещала, я ничего не знала, в чём могу поклясться, то есть после смерти отца, по всё тем же негласным законам, имею право расплатиться так, как указано в расписках, – деньгами.

Небольшая площадь, со всех сторон зажата громоздкими трёхэтажными домами, темнела от многочисленных плащей – серых, коричневых. Люди перебегали от здания к зданию, громко и бесконечно хлопали двери, а приветствия и обсуждения рабочих вопросов сливались в тихий однообразный гул.

Я замерла в тени храма, невольно ухватившись за стену. Я совсем отвыкла от толпы, а мне надо именно туда – в самую гущу снующих людей... И не только сейчас. Потом тоже. Лавки, храмы, чайные, улицы – даже в зимние холода в Сер-

городе везде народ. И всегда его много. И много движения, голосов, чужих взглядов, цветных теней...

Горюша с тихим писком обвил моё запястье и явно использовал успокаивающий наговор – мне полегчало, внутренние узлы расслабились, внезапный страх перед толпой и паника отступили. Я давно работала по почте: письмо получила – заказ отправила. И в последний раз видела столько людей в одном месте... в начале этой весны, на традиционной ремесленной ярмарке.

А в главном здании Управы народу ещё больше...

Змей снова использовал успокоительное – то, что обычно унимало мой возбуждённый работой мозг. Мгновение темноты в глазах – и сердцебиение замедлилось, дыхание выровнялось, а мысли сосредоточились на одном-единственном деле: прорваться к нужному управцу и вступить в наследство. Всё остальное второстепенно.

Я натянула на глаза капюшон и отважно ринулась в толпу. Бдительно огибая подвижные серо-коричневые фигуры, я добежала до нужного здания, вслед за очередной серой фигурой поднялась по ступенькам, вошла в Управу и сразу же пристроилась в хвост небольшой очереди перед огромной гостевой книгой. Моя тень – смотритель Небытия – тоже проскользнул в коридор и затерялся в толпе.

Горюшка, перебирайся за пояс, сливайся с плащом и бди.

В коридоре было жарко и душно, но я не торопилась снимать капюшон. Конечно, как только мои имя-прозвище по-

вяются в гостевой книге, управцы обо мне прознают и начнётся шорох. Но не это главное. Главное – чтобы запись появилась. Чтобы книга приняла меня как благонадёжного посетителя и сохранила мой запрос – когда именно я пришла, с каким делом и к кому хотела попасть.

Два часа наедине с законами оказались крайне полезными. Если загодя управский начальник впишет в книгу моё имя и снабдит его пометкой о неблагонадёжности (какой обычно обозначали, например, надоедливых городских сумасшедших, которым вечно что-то надо), то книга меня и не отметит, и не пропустит. И доказывай потом, что я пыталась вступить в наследство своевременно. И что, кстати, благонадёжная.

Ношт, как же я всё это ненавижу – все эти законы, лазейки, бумажки, пропущенные обеды...

Когда книга повисла передо мной, я слегка расслабилась и быстро заполнила таблицу. А вот когда в последнем столбце ничего сразу не появилось, снова занервничала. Или мне не повезло – и моего управца нет... Или мне ещё больше не повезло. Но я, считая про себя, старалась верить в лучшее – и на томительном счёте «двадцать три» дождалась. Именно его. Первое (главное) здание, второй этаж, второй коридор, пятый кабинет...

Я вложила грифель в книгу и, огибая очередные серо-коричневые плащи, помчалась на второй этаж. Даже если снова очередь – ношт с ней, вытерплю... Но очереди в нужный

кабинет не было, как и сияющего знака «Занято» на двери. Я оставила на вешалке плащ и села на скамью ровно на пять минут – перевести дух, собраться с мыслями и приготовить все бумаги. В разных концах коридора ожидающие тоже всю шуршали бумагами и на меня внимания не обратили.

– Горюш, проверь кабинет, – шепнула я одними губами.

Змей невидимкой скользнул под дверь, и вскоре я получила чёткий образ: в небольшом кабинете судорожно перебирал какие-то справочники сутулый серо-сергородский парень и испуганно поглядывал то на дверь, то на небольшую гостевую книгу на столе. Открытую книгу. С моим именем.

Нет, парень, я не дам тебе ни единого шанса. Хватит Управе издеваться над моей семьёй.

Я предупредительно стукнула в дверь, вошла в кабинет и улыбнулась:

– Добрый вечер, снд. Малёна Дух, вступление в наследство.

– Я вас ещё не приглашал! – нервно огрызнулся парень, по-прежнему стоя у шкафа с парой справочников в руках.

– Время, – невозмутимо напомнила я и села на стул у рабочего стола. – Дело к закрытию. И за мной – никого. Вы разве не хотите освободиться пораньше?

Он злился на меня и оттого вёл себя неподобающе. Понимал это и злился ещё больше. Но деваться-то некуда. Парень кое-как запихнул справочники в шкаф и вернулся за стол.

– Документы все готовы? – спросил он неохотно и нервно.

Я протянула ему папку с бумагами и, пока парень быстро их листал, вытянула из сумки справочник с законами.

– Сложный случай, я такими не занимаюсь, – управец едва глянул на бумаги и тут же отложил папку. – Вы должны были вступить в наследство семь лет назад. Не вступаете в течение года – имущество дробится между всеми родственниками, которых сначала надо найти. Сейчас идите к ищейцам, потом записывайтесь к начальнику отдела.

Всё-таки успел подсказки подсмотреть... Но и я не зря навестила архив. Интересно, что Управа о смерти отца-то узнала, а вот к моему скорому появлению почему-то не подготовилась. Совсем.

Спасибо вам, силда Веснара, за своевременность...

– Пятая страница, – я вежливо улыбнулась. – Отчёт ищейца, силда Шутнара, о том, что о смерти отца я узнала три дня назад. Он подтверждает. В таком случае у меня есть седмица для вступления в наследство – по обычным правилам.

Парень посерел больше прежнего, а на его лбу выступила испарина. И мне на миг стало его жаль – не виноват же, не он же всё это придумал и дом отжать хочет. Но – меня здесь никто не пожалеет, и я никого жалеть не буду.

– Уважаемый силд, у нас с вами три выхода, – я раскрыла справочник с оттисками. – Первый: вы оформляете бумаги, и мы расходимся. Второй: вы зовёте своё начальство – да хоть главу Управы, – и они оформляют бумаги. Третий: вы или они пишете отказ в оформлении, и в таком случае

Управа обязана выплачивать мне треть от моего наследства ежемесячно. Пока не оформит бумаги, причём по обычным правилам, ибо не я виновата в проволочках. А, и четвёртый, – я подняла справочник так, чтобы парень прочитал законы. – Вы не соглашаетесь ни на оформление, ни на отказ, и тогда я пишу на вас жалобу как на клятвопреступников в храм Небытия. Потому что Управа служит обитателям города, а не они Управе. У вас, напоминаю, клятвы – служить людям. И выполнять свои обязанности. Отказываетесь от них – вы клятвопреступники. Мне продолжать?

Парень отёр вспотевший лоб, остро глянул на оттиски, молча нашёл среди бумаг чистый лист и грифель – и написал короткую записку. Шепнул наговор, и записка исчезла в сером тумане.

– Ждите, – буркнул он.

Я закрыла справочник, на мгновение отвела глаза, а когда снова посмотрела на парня, то увидела за его спиной свою недавнюю тень – смотрителя Небытия: в скрывающем лицо капюшоне, с блеснувшим на указательном пальце крупным перстнем. Смотритель неуловимо быстро поднёс палец к губам – молчи, мол, – и отступил, прячась в густом сумраке.

Управец ничего не заметил, а я отвернулась и невольно сглотнула. Пока смотритель меня провожал, казалось, это девчонка – быстрая, лёгкая, шустрая, мелкая. А теперь я поняла: нет. Это старик – уровня старшего смотрителя. И не просто смотритель – палач с правом праха. Лишь они могут

проникать куда угодно и таиться на «мосту» между «здесь» и «там», незримые, но всё видящие и слышащие.

Как же Управа достала силда Кремена, что он заочно принял мою жалобу и сразу же прислал сюда палача...

Сердито хлопнула дверь, и в кабинет ввалился высокий, пузатый и кудрявый пожилой силд.

– Ну, в чём дело? – пробасил он с натянутым дружелюбием. А зыркнул из-под светлых кустистых бровей зло.

– Добрый вечер, – я встала и любезно улыбнулась. – Малёна Дух, хочу вступить в наследство, – и раскрыла перед ним справочник с оттисками.

– Иди, – бросил он парню, – погуляй. Дальше я сам.

Парень моментально исчез – почти с той же скоростью, с какой недавно исчезал на «мосту» смотритель.

– Сядь, – буркнул пожилой управец, занимая место за столом.

И так зло глянул, что я лишний раз поняла: вовремя я. Правильно, что прибежала сразу – хотя бы с документами. Зачем-то Управе дико нужен мой дом. Я молча вернулась на свой стул и решила: как только разберусь с долгом, сразу же накатаю жалобу на конкретного сотрудника – за возмутительное, оскорбительное и не соответствующее должности отношение к посетителям.

Документы оформились быстро. Пять минут, и управец протянул мне две папки – одну мою, вторую с новыми бумагами. Я скрупулёзно сверила каждую строчку: одна неточ-

ность, и любой новоявленный наследник влезет в мой дом, и шиш его оттуда выселишь. Но надо отдать управцу должное – шельмовать и надеяться на мою невнимательность он не стал. Всё было заполнено верно (список необходимых управских документов у меня тоже имелся). Я расписалась на последней странице, вернула папки управцу, и тот живо поставил печать и сделал оттиски.

– Свободна, – он снова вернул мне обе папки.

– Благодарю за сотрудничество, – сухо ответила я и заслужила новый злой взгляд.

Нет, сволочь, жалобой ты не отделаешься. Погоди, разберусь с долгом...

Я вежливо попрощалась и покинула кабинет. Сразу же взметнулась коричневая дымка, и из «моста» появился знакомый смотритель. Выглянувший из кабинета управец при виде моего спутника шарахнулся обратно и с грохотом закрыл дверь. В замке испуганно заскрипел ключ. Смотритель Небытия тихо хмыкнул и снял с вешалки мой плащ. Всё, больше здесь делать нечего.

Мы вместе покинули Управу, добрались до ближайшего «моста» и переместились на мой уличный виток. Смотритель скинул с головы капюшон, и я с облегчением узнала силда Душнара – очень старого, сухонького, маленького, морщинистого, но с невероятно буйной копной седых волос и живыми угольками раскосых глаз.

– Здравствуй, Маля, – он улыбнулся, – очень рад тебя ви-

деть. Хорошо, что вернулась. И сейчас всё сделала правильно.

– Силд Душнар! – я не удержалась и обняла его.

Старейший смотритель храма Небытия и палач с правом праха, при появлении которого – даже в обычной одежде, с многочисленными «заглушками» силы и без перстня с частицей убивающей силы – разом пустели улицы, на самом деле был добрейшим человеком.

Он крепко обнял меня в ответ и прошептал:

– Сделаешь мне «ловца»?

– Конечно, – я неудержимо улыбалась. – Но вы же ещё на службе. Пока соприкасаетесь с Небытием, «ловец» ничем не поможет.

Чаще всего сила Небытия сводила с ума тогда, когда смотритель готовился переходить на следующий уровень – из младшего в средние, из среднего в старшие. Если смог перейти и подчинить силу новых наговоров – всё, она, послушная, ничего не сделает. А если не смог... увы. Силд Душнар смог.

– Я скорблю вместе с тобой, – он мягко сжал мои плечи. – Но сейчас расслабляться рано. Впереди ещё один бой, Маля. Мы лишний раз убедились, что Управа нацелилась на твой дом. И вряд ли потому, что он гостевой. Вряд ли. Иначе бы они просто предложили тебе деньги. Очень большие деньги. И ты бы, скорее всего, согласилась. Ты устала работать за кусок хлеба. И огромный дом тебе одной не нужен.

– Есть такой момент, – призналась я. – Отцовский проект?

– Никто о нём не знает, – силд Душнар поджал губы. – А те, кто знал, скорее всего, мертвы. От переработки. Что-то спрятано в твоём доме – либо очень Управе нужное, либо очень опасное. Будь настороже. И не теряй времени. Выдохни – и бегом к Речане в храм Бытия. Бегом, Малёнка. Теперь Управа знает, что ты вернулась, и приготовится. Как бы не опоздать – как бы они тоже что-нибудь в древних законах не раскопали. Пока всё на твоей стороне – ты наследница. Используй это не медля. Сегодня возвращаться в Управу с уплатой долга, конечно, поздно. Но вот составить план на завтрашнее раннее утро – нет.

– Да, – я кивнула. – Так и сделаю.

Тёмные глаза смотрителя недобро блеснули:

– Нас сковывало лишь это – скрытная смерть Долгана и твоё отсутствие. Небытие делает нас с мертвецами очень похожими – что к мёртвому тянешься, что к посвящённому смотрителю, никакой разницы. Не то мы бы давно узнали о гибели твоего отца. А поручители не имеют такого веса как законные – и узаконенные – наследники. Рассчитайся с Управой, и придёт наша очередь. Они зашевелятся, нечестивцы. А мы будем рядом. Всегда. Помни об этом.

– Спасибо, – я улыбнулась.

Силд Душнар подмигнул и прошептал:

– Но «ловца»-то, может, сделаешь, а? Устал я, Малёнка, что от меня, как тараканы от света, все разбегаются.

– Мой дом всегда для вас открыт, – просто ответила я.
– Заходите на чай. Будет время – и с «ловцом» поработаем. Я такие сложные амулеты – для действующих зрителей с правом праха – ещё не делала. Недействительный зритель стабилен – силы в нём всегда одинаково, а у вас – нет, вы по-разному, в зависимости от задания, черпаете из Небытия... – я задумчиво наморщила нос. – Это сложнее. Настройка наговоров должна быть тоньше. Подумаю.

Пока я бегала по делам, улицы Серого города утонули в густых сумерках, а над дорожками закрутились завитки тумана. Ещё час-полтора – и он затопит улицы, затянет их густой паутиной от дома к дому, от земли до неба, так, что в двух шагах от собственной калитки потеряешься.

– Пойдём, – силд Душнар призвал толстый, свившийся из праха чёрный посох. – Провожу до храма Речаны. И не знаю, Маля. Не знаю, отстанут от тебя после или наоборот. Дома ты всегда в безопасности. А в остальном лучше с кем-то. До следующего шага Управы.

Горюша, доселе молчавший, возмущённо высунулся из кармана моего плаща и распищался. Я, мол, и сам могу хозяйку защитить, она никогда не одна!

– Даже мы, старшие, крайне редко работаем поодиночке, дружок, – назидательно напомнил зритель. – А ты вздумал сам?

Змей тоненько фыркнул и скрылся в кармане. Силд Душнар обнял меня за плечи:

– Поторопимся.

Да, успеть до тумана в храм Бытия к силде Речане и наметить план. А после... Да там же в гостевых комнатах и заночую. Если вернусь домой – в мастерской застряну, не удержусь. Проторчу там до утра и испорчу день. Я себя знаю. Наговоры «Маля, давай сегодня ляжем спать пораньше» и «Ещё пять минут – и в постель» мне не давались совершенно.

Глава 4

– Но это же... жульничество! – я изумлённо посмотрела на силду Речану. – Мошенничество!

Без традиционного светло-коричневого плаща она выглядела совершенно обычной, и не скажешь, что старший храмовый смотритель. Невысокая, полноватая, с копной пушистых светлых волос до плеч, перехваченных шарфом, и в строгом тёмно-сером платье с высоким воротом.

– Отнюдь, – хладнокровно отозвалась она, разливая чай. – Через три с лишним седмицы зимнее солнцестояние, и Бытие начнёт отсчёт нового светлого года. Сейчас то время, когда нужно завершать дела и раздавать долги. И мы таким образом отдадим долг, Малёна. Завершим старое дело. Вместе с остальными.

План силды Речаны был и прост, и сложен.

– Вам нужно моё присутствие как наследницы и подтверждение, – я обняла ладонями тёплую пузатую чашку. – Но меня в Управу точно не пустят. Я почти уверена, что уже объявлена неблагонадёжной. А если нет, то скоро буду. Завтра к утру точно.

– Тебя – да, – силда Речана поставила расписной чайник на плетёнку и села напротив меня. – А помощника храма Бытия – без проблем. Даже временного. Даже объявленного преступником. Мы не раз это проходили, Маля. Не раз по-

могали таким, как ты, добиться справедливости.

– Во мне слишком много Небытия, – я отвела глаза и неловко добавила: – Пару лет назад, вечная мать, я... почти сдалась. Пришла в храм Бытия... и ушла. Старший смотритель сказал, бесполезно. Не удержится метка.

– Постоянная – нет, – согласилась силда Речана безмятежно. – А временная – да. Не сомневайся. Мы это загодя на Кремене проверили. Метка продержалась два часа, как положено, – и она лукаво улыбнулась: – Или что, в тебе больше Небытия, чем в действительном старшем смотрителе?

Я невольно улыбнулась в ответ.

В силде Речане было через край и того, почему смотрительниц храма Бытия называли «вечной матерью», и заодно чего-то по-человечески материнского – тёплого, притягательного, уютного. Одного её доброго взгляда при знакомстве хватало, чтобы всё во мне сначала заныло от невосполнимой утраты, а потом успокоилось, примирилось. И захотело жить дальше. И даже – внезапно, пока я поднималась за силдой Речаной на второй этаж, – задумалось, для чего мне хотеть жить дальше.

Всю свою последнюю жизнь я живу, чтобы заработать денег. И изобрести очередную полезность, чтобы снова заработать. Что изменится, если исчезнет (или хотя бы уменьшится) лютая нужда в деньгах?

– Если захочешь, мы и об этом поговорим, – негромко сказала она, пытливо глядя на меня. – После. Но, думается,

ты сама справишься. Сама поймёшь. В подходящее время.

Я невольно перевела дух. В этом направлении в ближайшее время мне копать не хотелось. Да и потом – тоже. Само выкопается, как и всякое ремесленное озарение. Как обычно. Достаточно просто вернуться в мастерскую к родному делу.

– Что же касается нашего... жульничества, – и силда Речана тихо фыркнула, – то не переживай. Бытие со мной согласо и нас на дело благословило. А значит, всё получится. Сегодня ночью я снова помолюсь и испрошу блага, но уверена, Маля, всё получится. Бытие на твоей стороне.

– Спасибо, – тихо поблагодарила я и приникла к чашке, но успела сделать лишь пару согревающих глотков.

В коридоре раздались тяжёлые шаги. Штора, закрывающая небольшую чайную комнату, резко отдернулась, и на пороге возник незнакомый бородач. Нет, поправилась я сразу, отчего-то знакомый.

– Маля! – басовито взревел он. – Малёк! Вернулась!

Я чуть не поперхнулась чаем. Из всех моих многочисленных (в детстве) друзей-приятелей меня так рисковали называть лишь трое. Но, ношт, прошло двадцать лет! Когда я уехала, мы были подростками! Как теперь кого-то узнать?

Поставив чашку, я повернулась к вошедшему и впилась в него взглядом. На вид – островной и сергородский: невысокий, коренастый, светловолосый. Расстёгнутый светло-коричневый смотрительский плащ. Аккуратные усы и борода

(всё-таки скрывающие часть лица), волосы до плеч, обычный нос, светлые глаза... Нет, не просто светлые – очень светлые. Почти белые. И во всём известном мне обитаемом мире я лишь у одного парня видела такие глаза. Жуткие, казалось кому-то. Ледяные. Давшие ему имя.

– Леден? – недоверчиво спросила я. – Ты что, всё-таки бросил ремесло, засра... – я вовремя прикусила язык: в храме же, не у себя дома!

А он гулко рассмеялся:

– Ну бросил, да. Для всеобщего блага. Сама же говорила, что неспособный я.

Был момент... Ладно, больше одного.

– Мало ли что я говорила! – проворчала я. – Много ли у нас ума в пятнадцать лет? Да ещё такого, чтобы вмешиваться в чужие судьбы?

Леден весело фыркнул.

– Это правильно – признавать свои ошибки, – одобрительно заметила силда Речана, отодвигая стул. – Лед, садись. Обговорим план. Вместе в Управу пойдёте.

– Завтра? – старый приятель оставил плащ на вешалке. – С утра?

– В девять вы уже должны быть в Управе, – силда Речана взяла с подноса третью пузатую чашку, налила чай и встала. – Сейчас документы принесу. Чтобы наизусть всё выучили.

Она ушла, а Леден сел напротив меня, и мы уставились друг на друга. Как раньше, когда работали в мастерской отца.

Когда мелкая работа надоедала, мы начинали коситься друг на друга, подмигивать, рожи строить, в гляделки играть – кто первый моргнёт или отведёт глаза...

– Веришь – нет, Маль, до сих пор по всему этому скучаю, – Леден протянул через стол руку.

– А я почти всё забыла, – отозвалась тихо и протянула ему навстречу свою. – И скучать... разучилась. Когда ты ушёл?

– Да сразу за тобой, – приятель сжал мои пальцы. – Я уже год как хотел уйти в смотрители, но не решался признаться. Вы с силдом Долганом потратили на меня слишком много времени и сил. Мне было стыдно и хотелось доказать, что всё не зря. А когда ты уехала, силду Долгану стало не до учеников. Он, по-моему, даже не заметил моего отсутствия.

Совсем не об этом надо говорить старым приятелям после долгой разлуки, но...

– То есть ты не знаешь, над чем отец работал?

– Нет, – Леден посерьёзnel. – Никто не знал, Маль. По городу ходили сотни слухов, один нелепее другого, но вряд ли правдивые. Силд Долган умел скрывать намерения и мысли лучше любого ищейца. Даже те, кто ушёл из его мастерской позже меня, ничего не знают.

– А долги Управе? – я пытливно посмотрела на него.

– Маль, весь твой долг по бумагам, – десять золотых, – Леден выразительно поднял брови. – Понимаешь? Не в деньгах дело. Управа явно хотела, чтобы силд Долган кое-что для неё сделал. Она выкупила не денежный долг, а долг услуги. И

отказывалась принимать иное – к сожалению, законно. Тогда. Пока силд Долган по всем документам считался живым. А вот тебя как наследницы это не касается. И наша задача – заставить Управу принять долг, чтобы уже никогда не коснулось. И мы заставим.

В его голосе было столько уверенности, а в когда-то ледяных глазах света, что я позволила себе немного расслабиться. Совсем немного. Вот завтра, если всё получится...

– Получится, – зрители легко читали в любых душах, даже в таких, как у меня, застёгнутых на все пуговицы. – Получится, Малёк. Но ты всё равно будь настороже. Долг – это всего лишь один повод. Если Управе по-прежнему что-то нужно – от тебя или от проектов силда Долгана, – она не отстанет. Начнёт действовать. А мы – следить, – его глаза снова заледенели. – Тебе уже рассказали, да, что Управа с некоторых пор слишком много на себя берёт? Эта пора началась до проекта силда Долгана, но с ним... обострилась. До наглости. Понаблюдаем, да? – и ободряюще подмигнул.

– Лед! – я улыбнулась. – Я так рада тебя видеть!

– Ну-ну, – Леден хмыкнул, – не раскисай. Силд Кремен и другие старшие храмов Небытия уже готовы спустить на Управу своих палачей. И точно спустят при малейшей её промашке. Кстати, – он шустро сменил и тон, и тему, – с домом помочь? Я быстро соберу помощников. Благое дело – помогать ближнему своему, – добавил с деланной строгостью.

Я тихо прыснула:

– Странный из тебя зритель Бытия получился!

– Потому что я – не зануда, скучная и поучающая? – приятель ухмыльнулся. – И хвала Бытию, сам таких не переношу.

Вернулась силда Речана. Задёрнула штору, поставила на стол небольшую сумку и начала выгружать из неё папки. Когда оные выстроились в три высоких ряда, старшая смотрительница провела рукой по последней папке и невозмутимо сообщила:

– Изучайте.

Посмотрела на наши вытянувшиеся лица и смилостивилась:

– Можно не наизусть, ладно. Но содержание каждой знать важно. В предпоследней – документы об уплате долга твоего отца, Маля.

И я поняла суть плана:

– Никто в здравом уме не будет всё это читать! А управцы ещё и занятые, на одного посетителя отводится полчаса, не больше!

– Да, – силда Речана улыбнулась. – Грубо и просто, но получится. Обычно именно такое простое и получается.

Я взяла пару верхних папок и уточнила:

– А я? Думаете, меня пустят в Управу – после сегодняшнего? И сразу же будет понятно, с чем я пришла.

Леден придвинул к себе весь ближайший ряд и резво зашуршал бумагами.

Силда Речана вернулась на свой стул и пояснила:

– У нас есть особый наговор для помощников – для тех, кто искренне раскаялся, но боится мести, или для тех, кто скрывается в храме от обидчиков. Наговор неузнавания. Два часа с меткой помощника ты будешь неузнаваемой для всех, кроме нас, – светлые глаза весело сверкнули: – Ты же искренне раскаялась, Малёна?

Леден фыркнул в открытую папку. Я глянула на него искоса и нервно призналась:

– Вообще-то я месть запланировала.

– Жалоба на очевидную грубость сотрудника местью не считается, – силда Речана взяла чашку с чаем. – А остальное найди в себе силы или простить, или отодвинуть подальше, иначе наговор не сработает.

Я покорно кивнула. Из интереса глянула на ходики, засекая время, и погрузилась в бумаги. А когда вынырнула из последней папки...

– Полтора часа, – силда Речана, тоже наблюдавшая за временем, удовлетворённо кивнула. – На двоих. Прекрасно.

Леден захлопнул последнюю папку, потёр живот и подытожил:

– Ужин и спать?

– Да, – силда Речана встала и начала собирать папки в сумку, – заодно обсудите прочитанное. И сразу спать – завтра обоих в шесть утра подниму.

А меня снова посетило то же чувство, что недавно в ар-

хиве, – словно никуда я не уезжала, и не было этих двадцати лет отсутствия. Опасное чувство, морочное. Нельзя ему поддаваться. Нельзя забываться. Потому что всё сильно изменилось. Особенно я.

И после торопливого ужина, свернувшись под одеялом в крохотной гостевой комнатке под крышей, я до первой дрёмы воспитывала себя, убеждая, что месть необязательна – ни Управе, ни наглым управцам. И после дрёмы – тоже. Смотрители Небытия должным образом накажут всех и каждого – или порчами, или палачами. А моё дело – расплатиться с долгом, привести в порядок дом, выполнить заказы. И по возможности помочь ищейцам с делом отца.

Всё.

Как ни странно, воспитание сработало – наговор неузнавания лёг моментально. Силд Шутнар, явившийся в храм спозаранку и ожидавший у входной двери, после приветствий придирчиво осмотрел меня с головы до пят и одобрительно улыбнулся:

– Видимо, Маля, это всё же ты. Ни одной зацепки. Ни одной узнаваемой детали. Даже голос не твой. Просто обычная сергородская девушка в смотрительском плаще. Хорошо получилось!

Старый ищейка поднял руку, разжал кулак, протянул мне трескучий клубок из чёрных молний и пояснил:

– Подслушка. Бери. Когда зайдёшь в кабинет, спрячь – куда получится. Под ковёр, под стол, между подушками ди-

вана. Только незаметно. Когда вы уйдёте, у меня будет пара минут, чтобы услышать разговор управцев и сделать с него оттиск. Тебе же тоже интересно узнать, зачем Управе твой дом и что они предпримут после? В карман положи. Я подожду вас здесь.

В правом кармане уже затаился Горюша – питомец ужасно боялся, что зрители Бытия сочтут его опасным и заберут, поэтому вообще не показывался на глаза. Я спрятала клубок в левом кармане, застегнула плащ и пробормотала успокоительный наговор. Меня слегка потряхивало – то ли от возбуждения, то ли от напряжения, то ли от страха, что не выйdet...

– Мы с благом, подруга, – Леден, напротив, излучал спокойствие и уверенность. – А благо Бытия никогда не подводит. Не прячь лицо, смотри в глаза, улыбайся и веди себя естественно. Как ты умеешь. В гостевой книге отмечаться не нужно – я отмечу тебя просто как своего помощника. Следуй за мной и молчи, пока эти нечестивцы не подпишут все документы. Давай, ещё один наговор – и вперёд. Время.

Второй успокоительный не понадобился – Горюшка обвинил моё запястье, потеплел, тихо зашипел, и меня отпустило. Леден это заметил, подмигнул, поправил сумку и первым вышел из храма в сырое утро. Я последовала за ним.

Серый город затягивала туманная дымка. Дома-призраки тарацились мерцающими белыми окнами. Дороги прятались в белой пелене. Из ниоткуда выныривали костлявые ла-

пы деревьев. Бесшумно, то появляясь, то пропадая в тумане, скользили тёмные фигуры опаздывающих на работу людей. Где-то вдали глухо ворчало море. Сырой морозец обжигал руки и лицо, вырывался изо рта клубами пара. Над тёмными крышами в тонкой облачной пелене зловеще багровело солнце.

Леден шепнул наговор, и в его руках появился светлый посох – средний смотритель, судя по толщине. Он спустился с крыльца, черкнул посохом по земле и шагнул в поднимающийся туман «моста». Я юркнула следом.

В Управу мы проникли без проблем – гостевая книга пропустила нас обоих. А вот после пришлось ждать больше часа – с храмовыми вопросами смотрители ходили лично к главе. Оный же или действительно был чем-то очень занят, или же, что вероятнее, предпочитал лишний час поспать. Во всяком случае, когда нас пригласили в кабинет, я первым делом отметила помятый вид управского главы. Весьма помятый.

Силд Южнар вообще изменился до неузнаваемости – почти как я под наговором. Я помнила его крупным, солидным, добродушным весельчаком с круглым румяным лицом, буйной копной кудрей и хитрыми тёмными глазами. Сейчас на нас угрюмо смотрел худой лысеющий старик с воспалёнными глазами, нездоровым цветом лица, крупными брылями и длинной тощей шеей. И с его замом, силдом Воднаром, тоже случилась очень похожая перемена. Плохая. Подозрительная.

– Лед, я же написал Речане, что до конца года занят! – после короткого приветствия недовольно бросил управский глава.

– Мы слышим это от вас уже шесть лет, – сухо ответил Леден и начал выгружать на стол главы папки. – Хватит тянуть, силд Южнар. Просто подпишите и разойдёмся миром. Или думаете, мы невозможного потребуем? Или обманем? Мы?

Я с трудом удержала тщательно отрепетированное выражение лица – глуповатой и застенчивой помощницы, которой ужасно неловко. Уселась на краешек кресла чуть в стороне от массивного стола и опустила глаза на серый ковёр.

– Ладно, что у вас? – силд Южнар глянул на папки с очевидной ненавистью.

– Главным образом земля для новых храмов, – приятель продолжал вытаскивать папку за папкой. – Серый город разрастается за счёт осушенных отмелей и прибрежных островов, на десяти последних витках и трёх островах нет ни одного храма. Люди недовольны – и «мостов» там пока мало, и у нас прихожан много. Они хотят свои храмы – на своих витках, даже небольшие и без гостевых комнат. Силда Речана предупредила, что со следующего года все жалобы горожан мы будем сразу переправлять вам. У нас, знаете ли, тоже забот хватает. Нам некогда бесконечно объяснять одним и тем же людям, почему Управа не выделяет храмам землю.

Силд Южнар явно представил грядущий бумажный поток, содрогнулся и неохотно взялся за ближайшую толстую

папку – открыл, пролистал, скривился. Леден закончил с выгрузкой и добыл из кармана второй сумки тяжёлый позвякивающий кошель.

– Деньги за землю, – приятель подбросил на ладони кошель и невинно поинтересовался: – Или Управа без них обойдётся?

В одинаково выцветших глазах управцев сверкнул одинаковый же жадный огонёк. Леден положил кошель на край стола и достал следующий. Силд Южнар переглянулся с замом, снова посмотрел на кошель, вдохновился и без дальнейших пререканий взялся за работу. Как и предсказывала силда Речана, ни он, ни зам ничего не читали, даже заголовки. Глава молча подписывал, зам молча же делал оттиски, а мы с Леденом скрупулёзно их просматривали. Чтобы все печати, подписи и даты стояли на своих местах.

Когда я увидела подписанный документ об уплате отцовского долга, хитро спрятанный силдой Речаной среди храмовых смет и составленный по их подобию, моё дыхание на миг сбилось. Леден, по-прежнему стоящий между столом и моим креслом, метнул на меня строгий взгляд: рано, мол! Я тихо кашлянула в кулак и с новыми силами взялась за проверку. Но нет-нет да косилась на ходики у двери: отведённые мне два часа вот-вот истекут. Да, силд Южнар подписал, но ещё надо наговорами оттиски закрепить.

К счастью, времени хватило. Пока Леден выгружал деньги, я уложила папки с оттисками в сумку так, чтобы быстро

достать свой документ. И, поёрзав, осторожно сунула между подушек кресла подслушку.

– Всё, парень, сгиньте, – силд Южнар посмотрел на ходики. – И чтобы до конца следующего года глаза мои вас не видели.

И я снова это отметила – неподобающее обращение. Не «вечный отец», как положено, а «парень». Словно Лед не посвящённый смотритель Бытия, а обычный надоедливый проситель. Нет, это не просто наглость. Нечто иное.

Леден перекинул через плечо опустевшую сумку и мягко ответил:

– Вообще-то, уважаемые силды, это наши глаза должны видеть вас в храмах Бытия и чаще одного раза в год. Это вам не следует забывать о своём долге перед бессмертной душой.

Клянусь, оба управца слегка покраснели.

– Не тебе мне проповеди читать, – мрачно глянул силд Южнар.

– Да я и не начинал. И не собираюсь, – со скрытой насмешкой отозвался Леден, застёгивая плащ. – Повторюсь, это ваши души. И долг ваш, не мой. Идём, подруга. Всего доброго, уважаемые силды.

Я торопливо попрощалась и выскочила в коридор. И сразу же, пока приятель закрывал дверь, достала папку и выудила оттуда документ об уплате долга. Шепнула нужный наговор, и оттиск исчез, а в моих руках появился настоящий документ. Тоже «жульничество» силды Речаны – храмам пола-

галось довольствоваться оттисками, а она добавила наговор подмены на отцовский документ, чтобы я смогла забрать его себе. Я шепнула наговор подтверждения: да, Управой деньги получены и приняты. Бумага слабо засветилась.

– Бегом, Малёк, – Леден тут же, в коридоре, открыл «мост». – Пока они ничего не поняли.

Да, потому что отпечаток не в папке останется. Он сейчас же ляжет на стол перед управским главой, потому что к другим документам относится.

И мы сбежали из Управы напрямик на крыльцо храма Бытия. Выдохнули, переглянулись, и Леден, улыбнувшись, хлопнул меня по плечу:

– Поздравляю, подруга, ты свободна!

Я повернулась и молча обняла его. И сидду Речану чуть позже обязательно обниму. И пожертвую её храму половину из того, что Горюшка вымел из отцовских тайников – в ближайшее же время.

– Ну что, молодёжь, готовы услышать интересность? – сидд Шутнар вышел на крыльцо с выражением сытого кота, сцапавшего особо надоедливую мышь. В его правом кулаке искрились крохотные чёрные молнии.

– Конечно! – мы с Леденом дружно подались вперёд.

Старый ищеец ухмыльнулся, пропустил нас в храм, плотно закрыл дверь, разжал кулак, и из клубка молний донеслось далёкое:

– Это что, Долганово?..

Неприличные ругательства. Пауза. И хриплое:

– Он нас убьёт...

И тишина.

Мы с Леденом снова переглянулись.

– Управа у кого-то в кулаке, – силд Шутнар спрятал клубок из молний в карман плаща. – Мы думали, она сама по себе обнаглела, а, оказывается, нет. За наглость главным нашим управцам что-то дали – и чем-то пригрозили. Будете паиньками – получайте нужное, не будете – сами виноваты. И странным образом это прошло мимо нас, – его щёки задёргались. – Но теперь мы с этим разберёмся.

– Но вы же подчинённые Управе! – удивился Леден. – Ищейский отдел – это же часть Управы.

– Не весь, – силд Шутнар тонко улыбнулся. – Как раз на такой случай есть ребята, которые не связаны с Управой никакими клятвами. Их немного, зато о них почти никто не знает. И, – он со значением глянул на меня, – силд Долган был из тех ремесленников, который делал амулеты нашим свободным ищейцам. В обход Управы.

Я вспомнила о четвёрке погибших отцовских друзей и хрипло уточнила:

– И не только он, да?

– Я знал о шестерых, – старый ищейец посмурнел. – Последний выживший ремесленник и его семья теперь под нашей защитой. Я уже поговорил с Речаной – она согласна приютить семью. Осталось уговорить их на время расследования

перебраться в храм и не казать отсюда носа. Никакие блага и амулеты не защитят обычный дом так, как сила Бытия или Небытия защищает храм. Это не совпадение, нет, – и его щечка сильно дёрнулась.

Да, Небытие для простых людей опасно, хотя защищает лучше.

Я скинула с головы капюшон, расстегнула плащ и прямо сказала:

– Начистоту, да? Меня закрывать в храме смысла нет – необходимо, чтобы Управа или этот таинственный «он» зашевелились, а вы за этими шевелениями понаблюдали. Уборка дома – благое дело, Лед, но давай и с этим начистоту. Это всего лишь способ повертеться рядом и заметить кое-что интересное – если оно, конечно, случится. Точно за этим же ко мне вскоре потянется косяк ищейцев и зрителей – как к ремесленнику. Вот только, уважаемые силды, с таким наблюдением вы шевеления не дождётесь. Если оно и случится, то лишь тогда, когда я покину дом и сниму защиту или останусь одна. Под присмотром разве что зрителей Небытия, но вот оно, в отличие от вашего, подозрительным не будет. Я – член смотрительской семьи по рождению. Может, на этом и остановимся? Вы всё узнаете или от зрителей, или от меня.

– А я вам говорил, – Леден повернулся к ищейцу. – Маля соображает. Ничего не планируйте за её спиной и не скрывайте – хуже будет.

– Мы пока ничего особенного и не планировали, – заметил силд Шутнар. – Сейчас цель – присмотреть за управскими и установить всех причастных к проекту Долгана. У твоего отца, Малёнка, друзья – что тайники: этому я доверю только деньги, этому – старые документы или дневники, а этому – ничего, он годен, чтобы выпить после работы, – добавил полушутя-полусерьёзно. – Поэтому отыскать тех, кому Долган доверял в рабочих моментах, так непросто. Ими могут оказаться и не ремесленники, и даже не смотрители. Но мы всех найдём.

– В отцовских тайниках много рабочих бумаг, – я сняла сумку, стянула смотрительский плащ и взяла с вешалки свой. – Помогу чем смогу. Сегодня же начну разбирать.

– Помочь? – предложил Леден. – Без дураков, Малёк, всё во благо и по старой памяти. Силда Речана отпустит нас с помощниками к тебе на пару дней без проблем. Почистим, помоем, пересадим, заговорим, паутину вычистим, благословим...

Может, хватит быть чрезмерно подозрительной? Во всяком случае, со старыми друзьями и нынешними смотрителями? Среди них таинственный «он» не спрячется – клятвы Бытию и Небытию не позволяют предавать людей, особенно близких.

– Конечно. Спасибо, – я закуталась в плащ. – Не могу жить в грязи, да и дом надо прогреть перед зимой. Ну и просто так заходи, без поводов. Ремесленную мелочь не возьму.

– Гордость? – приятель с деланным осуждением качнул головой.

– Занятость, – я подняла с пола сумку. – Чуйка чует «ловцов» для зрителей Небытия. Но очень срочные амулеты уровня подмастерья всегда сделаю.

– Подмастерье?! – Леден уставился на меня. – Какой ты, к Бытию, подмастерье, Малёк? Это шутка?

– Нет, это правда жизни, – я улыбнулась. – Заходи на чай, Лед. Узнаешь много скучного и обычного.

Приятель шумно выдохнул и ругательством выплюнул:

– Подмастерье, а... Малёк, ну ты поняла, да? Мы этого просто так не оставим. Я не оставлю. Есть такие, как я, без особого дара, для которых подмастерье – это счастье. А есть как ты – и для тебя это оскорбление. С кем договориться? У кого доучиться хочешь?

– Мне осталось всего ничего изобретениями добрать, – я хлопнула его по плечу. – Не переживай. Сейчас мне важнее... снова выжить. Лучше скажи, где силда Речана.

Силд Шутнар воспользовался нашим разговором и незаметно утёк туманным следом по новым делам. На верхних этажах и лестницах шуршали шаги и голоса. А в главном коридоре пока не было ни души.

– Спит, – ответил Леден, недовольный сменой темы. – Силда Речана всю ночь спрашивала для нас блага, чтобы всё получилось наверняка. Это отнимает много сил. Ближайшую седмицу она точно будет только отдыхать и восстанавливать.

ливаться. Куда тебя проводить? Домой, поешь или у нас позавтракаешь?

Есть пока не хотелось, но вообще-то да, мы же без завтрака – ничего от волнения в себя не впихнули, кроме чашки горячего чая.

– Чайная «Старый дом» ещё жива? – я перекинула через плечо сумку.

– А то, – Леден хмыкнул. – Живее всех живых. И её хозяин, силд Мирнар, тоже. Правда, с некоторых пор считается, что чайная не на приличных витках стоит, а на краю трущобных. За последние лет десять туманные шторма так разъели два ближайших к чайной витка, что теперь там селятся лишь те, кому больше негде и кто готов рискнуть и собой, и времянкой. Не слишком положительный люд, словом.

Да, туманные шторма – давнее бедствие наших островов. Накрывая город, они вгрызались в камень, разрушая всё – от защитных наговоров до собственно камня. А люди в тумане сходили с ума, теряясь в густой бело-серой мгле, где не работали ни «мосты», ни наговоры, ни амулеты. К счастью, шторма, как и всякое насыщенное силой чудо, боялись Небытия, и смотрители нашли на них управу. Достаточно построить на витке два-три храма – и вредоносный туман станет просто туманом.

– А почему там нет храмов Небытия? – я нахмурилась. – Как бы Управа ни поцапалась со смотрителями, они никогда не бросали людей в беде.

– Храмов хватает, – Леден снова призвал посох и открыл дверь. – Их вокруг «Старого дома» больше, чем на последних и самых длинных витках Сергорода. На трущобных витках очень много вспышек силы, и её выбросы часто совпадают с туманными штормами. Не успеешь собрать огоньки, как накрывает туманом – и всё. Люди прячутся, шторм поглощает остатки огоньков, усиливается и два-три часа ничего и никого не боится.

Я медленно вышла на крыльцо, ощущая, как внутри затрепетало забытое вдохновение. Вот оно, моё полезное дело. Моё будущее изобретение и последние шаги до мастера. «Ловцы» силы – это то, что у меня получалось всегда. Надо при случае изучить трущобные витки. Оценить разрушения, поговорить с местными, уточнить время между вспышкой силы и появлением первых признаков туманного шторма...

А не над этим ли отец работал? По времени подходит.

Леден провёл по крыльцу пяткой посоха, открывая «мост», и смешливо прищурил глаза:

– Малёк, я с тобой. Что бы ты ни задумала – я с тобой. Как всегда.

Я вынырнула из планов и улыбнулась:

– Посмотрим, Лед. Пока это даже не смутный замысел.

– А у тебя от идеи до заготовки дорога короткая, – заметил он. – Сегодня придумала, а завтра взялась за пробный образец.

Я шагнула на «мост», признавая очевидное: да, кое в чём

я так и не изменилась. А поскольку одной мне по-прежнему по городу лучше не ходить... Нет, очередные «ловцы» потом. Сначала дом – и паутина там непуганая, и посетитель-обитатель непойманный. И даже вещи не распакованные.

Зато с долгами и документами всё. К счастью, я сразу занялась делами сразу, как узнала о долге, и не успела проникнуться трагизмом момента. Сделали – и сделали, бумажный груз с плеч плюс свободные часы в мастерской.

Глава 5

Пятьдесят третий виток, на котором находилась чайная «Старый дом», ничуть не изменился – всё те же двухэтажные серые дома с крохотными садиками (шесть клумб, четыре дерева, две скамейки, один фонарь) и низкими каменными оградами. И вывеска на ограде двухэтажной чайной ничуть не изменилась. Но прежде силда Мирнара – старого друга нашей семьи – мне хотелось увидеть так называемые трущобы. Дополнить идею образами и деталями – пусть насыщается.

– Я на минутку.

И здесь Серый город был такой пустой, такой притихший... Я торопливо пошла по узенькому переулку между чайной и соседним домом, но ни людей не увидела, ни голосов не услышала. Только свои шаги и шаги Ледена позади. Будто обитателей витков «смыло» с улиц туманными штормами, хотя до них ещё далеко. Горюша предчувствовал стихию и за несколько часов до штормов начинал прятаться. А сейчас он таится в кармане и ведёт себя как обычно.

Не помню Серый город таким. Он всегда, даже в морозы, бойкий, шумный, говорливый. Переполненный людьми и их цветными тенями.

– Лед, а давно Сергород такой молчаливый? – даже мой тихий сейчас голос показался громким. Неуместным.

– Заметила, да? – ещё тише отозвался приятель. – Последние лет десять. И мы не понимаем причину. Люди – притихшие и сонные, лишний раз на улицу не выйдут. Болеть стали чаще. Амулеты и артефакты восполнения пользуются бешеным спросом. А питомцы чаще прежнего и без видимых причин ищут укрытие.

– Серый город не любит чужаков... – я выбралась на следующий виток. – Чужаков ему мало? За своих взялся?

– Да, в последнее время всем одинаково достаётся – и чужим, и своим, – Леден выглянул из переулка и по-боевому перехватил посох, с подозрением прищурился на пустой виток. – Со всеми людьми что-то происходит. И так осторожно, что мы заметили это всего года три назад. Мы беседуем, наблюдаем, проверяем, но пока не понимаем, в чём дело. Станных смертей – не больше прежнего. Безумцев – тоже, и те как обычно «выпускаются» из храмов Небытия. Лечебницы не переполнены. Но сил у людей определённо стало меньше. Маль, стой здесь.

Рассказывая о сути Серого города, мама всегда подчёркивала: он не злой. Но мстительный. Не любит, когда им пользуются. Таким его создали отцы-творцы, вложив в город душу, и таким он остался по сей день. Приноси пользу, твори добро и благо – и Сергород не обидит. Напротив, вдохновит, наполнит силой и идеями, защитит. Живи и твори.

Я замерла на границе трущоб и внимательно осмотрела разъединенную туманными штормами улицу. Здесь уже не

одинаковые двухэтажные дома из крупного серого камня. Пятьдесят четвёртый и пятьдесят пятый витки заполняли одноэтажные домишки, наспех собранные из потрескавшихся камней, – кривые и кособокие, то крохотные, то, наоборот, длинные. Без оград, садов и скамеек. Без деревьев. Всё лысое. Угрюмое. Безобразно серое.

– Дальше то же самое, – Леден не сводил прищуренного взгляда с неказистых домиков. – Нужны камни на пробу? Когда трущобы только появились, ремесленники изучили развалины со всех сторон, но ваша семья славится необычными подходами и наговорами. Силда Долгана несколько раз просили осмотреть трущобы, но он всегда был слишком занят.

Я молча открыла сумку. Леден провёл посохом по сухой, серой от пыли земле, и в стылом воздухе падающими звёздами мелькнуло несколько камней, скрывшись в сумке.

– Идём обратно, – приятелю рядом с трущобами явно было неуютно. – Перекусим – и по делам. У меня, между прочим, рабочий день.

– Работа – и всё? – я повернулась к Ледену, закрывая сумку. – Помню, ты всегда семью хотел. Обустроился?

– Не поверишь, Маль, некогда, – хмыкнул он, пропуская меня вперёд. – Невеста есть. А до остального никак не дойдём.

Голос беззаботный, а на самом деле... Из зрителей Небытия невеста, точно. Только им «некогда», то есть невозможно родить ребёнка, пока внутри слишком много Небы-

тия. Для этого надо лет на пять-семь сдавать посох. А самих зрителей слишком мало, чтобы сейчас, в это непонятное время, заниматься личной жизнью и вить гнездо.

– Если что, у меня есть несколько простых свободных «ловцов», – сообщила я, пробираясь по узкой тропе между оград. – Сложного тоже без проблем сделаю. С «ловцами» сила Небытия вытягивается из человека в два-три раза быстрее, чем просто вдали от храма и посоха. Я её знаю?

– Скоро точно познакомишься, как и со всеми приглядывающими за тобой зрителями, – весело пообещал он и серьёзно добавил: – Спасибо. Воспользуемся.

В «Старом доме», в отличие от пустых улиц, шумели и галдели многочисленные завсегдатаи. Вешалки в главном коридоре скрывались за множеством серых плащей. Что-то бурно обсуждали за маленькими, разбросанными по двум коридорам-рукавам столиками. Между коридорами снова-ли, с трудом удерживая тяжёлые подносы, помощницы в серых платьях и ярких передниках – синих, голубых, тёмно-зелёных, песочного цвета, под цвет обслуживаемой ими комнаты. И упоительно пахло свежим чаем, мёдом, пряностями и выпечкой.

Мы даже плащи снять не успели – из дверей напротив, ведущих на второй (хозяйский) этаж выпорхнул с подносом чистой посуды низенький и сухонький старичок с копной серебристых кудрей и серым передником поверх рабочих штанов и рубахи. При виде меня старик споткнулся и выронил

поднос. Зазвенела разбившаяся посуда, но хозяин чайной на неё даже не взглянул.

– Маля! – он всплеснул руками и бодро засеменил ко мне.
– Вернулась!

Голос у него был молодой, звонкий, а руки крепкими. Силд Мирнар чуть не раздавил меня, обняв, и затараторил:

– А я ж, знаешь, не поверил! Со вчера-то пошли слухи, что тебя то в Управе по наследным делам видали, то у храмов. И про Долгана зашептались – что погиб. Но нет, думаю, пока не навестишь старика, не поверю. И вот она ты! – тёмно-серые, почти чёрные глаза сияли.

Я смущённо улыбалась. Леден украдкой шептал наговору, восстанавливая разбитую посуду. В комнатах замолчали голоса, а из проходов показались любопытные.

– Ну-ка, за мной, – скомандовал силд Мирнар, схватив меня за руку. – Наверх, на кухню. Там накормлю, да и поговорим чуток. Не лепечи, что занятая, сам знаю. Поди ж, только приехала, да? Идём-идём, надолго не задержу. После пошепчемся. И тебе, вечный отец, моё почтение, – спохватился он, глянув на Ледена. – И ты от чая не отказывайся.

Приятель тоже смутился. Это обычное для зрителей храмов обращение сейчас к Ледену особенно не подходило – когда его озвучил столь пожилой человек. Силд Мирнар, конечно всё заметил, задорно улыбнулся и потащил меня к лестнице. Леден, скрыв посох, подхватил поднос и поспешил за нами.

На втором этаже, как и во всех небольших домах, тоже было три коридора – широкий главный с выходом на балкончик и два рукава. Силд Мирнар потянул меня в правый коридор и ближайшую комнатку – с большими окнами, тремя очагами для готовки, звучным фонтаном с большой чашей, несметным количеством шкафов, полок и сундуков. И неизменным густым запахом пряностей.

– Раздевайтесь, располагайтесь, будьте как дома! – хозяин чайной отпустил мою руку, указал на круглый столик у окна и маленьким вихрем завертелся по кухне.

Пока мы с Леденом снимали плащи и мыли руки, силд Мирнар уже успел накрыть на стол – на белой скатерти появились неизменные яичница с мясом и зеленью, корзинка с ароматным хлебом и котелок густогопряного супа. Да, время вроде как к обеду.

– Только сегодня всё с островных деревень привезли, а с утра хлеба напекли, – беспрерывно говорил силд Мирнар, разливая суп. – Пока всё не съедите, из-за стола не выпущу! Ну, чего ждёте?

Мы с Леденом сели за стол, переглянулись и набросились на обед. У силда Мирнара не просто так многолюдно – он очень вкусно готовил. А ещё в его чайной всегда была особая расслабляющая обстановка. И, уплетая за обе щеки суп вприкуску с хлебом и яичницей, я чувствовала, как во мне словно невидимые узлы развязываются – не только моего обычного рабочего напряжения, но и те, что образовались

после приезда и изучения дома. Нервных новостей от силды Веснары. Двух коротких стычек с Управой. И какие-то ещё, о которых я даже не знала.

– То-то же! – довольно хмыкнул силд Мирнар, остро глядя на меня. – И щёчки розовые, и глазки заблестели... Со всем другим делом! Чайку ещё глотнёшь – другим человеком отсюда выйдешь! Приехать не успела – тут же навалилось, да? Много после отца «приятного» наследства досталось?

– А вы о нём что-нибудь знаете? – осторожно спросила я, отодвигая пустую тарелку.

Конечно, не дело это – после стольких лет вдали от друзей говорить только о проблемах, – но пока иначе не получалось.

Силд Мирнар, споро собирая пустую посуду, с сожалением покачал головой:

– Увы, Малёнка. Мы с Долганом дружили – и крепко дружили – всю жизнь, но знаю я не больше обычного сергородца. Твой отец чётко делил друзей на тех, кто для работы, и тех, кто для отдыха. Я у него был для отдыха. Он приходил в чайную хорошо поесть и поговорить о чём угодно, кроме работы. Не будь я хозяином чайной, где собираются местные сплетники, я бы и о долгах не знал. Сильно навалились? – сочувственно повторил он.

– Разгребаемо, – вместо меня туманно ответил Леден, разливая чай. – Силд Долган некоторые дела передал нашему храму, и мы Мале поможем.

Да, в чайной, полной сплетников, лучше держать язык за

зубами.

– Это хорошо! – силд Мирнар подхватил поднос с посудой. – И на меня тоже всегда рассчитывай. В делах ремесленных и прочих бумажных я не смыслю, но вот накормлю всенепременно.

Оставив грязную посуду в чаше фонтана, силд Мирнар захлопал дверцами шкафов и вернулся к столу с оплившей тёмной свечой в руках. И очень серьёзными грустными глазами. Морщинистое лицо из живого и весёлого вмиг стало напряжённым.

– Долгана с нами больше нет, верно? – он склонил кудрявую голову набок. – Я помню, как ты уезжала, Маля. И помню, как однажды Долган в сердцах бросил, что ты вернёшься лишь тогда, когда он умрёт. Шутнар на днях заходил мрачнее тучи и бесконечно говорил о Долгане. Ты вернулась. Значит... всё. Помянем? Пусть у вас всё разладилось... Это же отец.

Я кивнула, чувствуя неприятный ком в горле. Вообще-то я должна была сделать это в тот же день, когда узнала. И в день приезда сходить в храм Небытия и снова сделать. Но я уже давно сжилась с тем, что отец для меня умер, и вести ничего во мне не изменили. Кроме слов об убийстве.

Или изменили, но за делами я этого не заметила?

Силд Мирнар поставил на стол свечу и четвёртую чашку, разлил чай, принёс свободный стул. Леден тихим наговором зажёг свечу, и та зачатила чёрным. Я поставила четвёртую

чашку к окну. Силд Мирнар сел напротив неё, между мной и Леденом, и поднял свою чашку.

– Мир твоему праху, друг, – произнёс он тихо. – Ты всегда в нашем сердце.

Свеча заискрилась, выбросив в воздух сноп чёрных огоньков, четвёртая чашка дрогнула, и над ней поднялся густой пар. Стол тоже задрожал. А мне показалось, что в окне отразился отец – похудевший, усталый, с запавшими безумными глазами, небритый. Губы под неопрятными усами дрогнули, прошептав несколько слов, и отражение пропало. Дрожь унялась. Огоньки и свеча потухли. А четвёртая кружка опустела – ни капли чая не осталось.

– Беспокойный, – Леден подскочил, и в его руке снова появился посох. – И в Небытии мечется. В живой мир рвётся. Молчите.

Кухню заполнили тихие напевные наговоры и скрип посоха по полу, пока приятель быстро-быстро чертил знаки. А когда он закончил, в комнатку вернулись тепло и привычные запахи.

Опять я не заметила, как похолодало и запахло ледяной сыростью Небытия... Давно живу без мамы и вдали от храмов, а во мне до сих пор столько силы Небытия, что я не ощущаю её приливов. Вообще. Надо и себе, похоже, «ловца» сделать. Пока – простого.

– Извините, силд Мирнар, но нам пора, – Леден стянул со спинки стула плащ.

По заледеневшим глазам приятеля я поняла: что-то случилось. С гранью между Бытием и Небытием. С отцом. Со мной. С городом. Ещё с чем-то. Или со всем вместе. Ледену срочно пора в храм.

– Лед, мне надо в продуктовую лавку, – шепнула я, быстро застёгивая плащ.

Силд Мирнар молча убрал со стола и незаметно исчез из кухни.

– Маль, у тебя как с чувством самосохранения? – прошептал в ответ Леден, снова что-то выцарапывая на полу.

– Появилось, – с достоинством сообщила я. – Почти сразу вслед за мозгами.

– Отлично, – приятель ухмыльнулся. – Тогда ты понимаешь, что самое безопасное место – это твоя мастерская. Потом – дом. Потом – сад. А если совсем всё достанет, – твой уличный виток, но от храма до храма. Пока мы не выясним, для чего твой дом или тайны твоего отца понадобились Управе. И пока не отведём от тебя беду. Которая, как выяснилось с утра, с раздачей долгов никуда не денется.

– Маля, не обижай старика, – силд Мирнар вернулся, держа в руках небольшую сумку. – Здесь всё как обычно. Пришли мне список – и на твоём столе всегда будет самый свежак.

Да, мы и раньше заказывали здесь продукты и (при нехватке времени или наплыве гостей) готовую еду. Силд Мирнар имел связи со всеми деревнями, и в его чайной све-

жие мясо, рыба, овощи и молочное появлялись раньше, чем в продуктовых лавках. И проверенно свежие.

– Значит, и с моей стороны как обычно, – я наговором вытянула из сумки небольшой кошель и положила его на стол.

Леден явственно выдохнул – оттого, что теперь не надо таскаться за мной по лавкам.

– Вся в отца, – цокнул языком силд Мирнар, но деньги принял. – Пойдём, провожу.

Когда мы спустились вниз, голоса посетителей снова затихли, а в рукавах коридоров замелькали головы местных сплетников. Ну, если до сегодняшнего дня моё возвращение было лишь сплетней, то теперь месяц-другой городу будет о чём говорить и за кем наблюдать. Народ в Сергороде обитает любопытный, а отец оставил после себя слишком много слухов и тайн, чтобы возвращение его наследницы осталось незамеченным.

– Отвод от бездельников поставим, – пообещал Леден, когда мы, распрощавшись с силдом Мирнаром, вышли на улицу. – Чтобы те, кто без нужды, обходил дом стороной. А тех, кто со злым умыслом, родовая защита смотрителей Небытия даже в сад не пропустит.

– Да пусть лезут – хоть развлекусь, – отмахнулась я. – Мне же тут теперь жить. Надо же с людьми знакомиться и общение налаживать.

– Всё-таки останешься? – приятель спустился с крыльца и провёл посохом по земле, открывая «мост». – Я вчера так

и не понял, зачем ты здесь, – остаться навсегда или продать наследство и уехать.

– Да я сама пока не понимаю, – призналась я. – С одной стороны, здесь корни рода. Дом, полный тайн предков, который просто так не продашь и не сдашь. Мама говорила, дома едва ли не каждый кирпич – прародительский тайник. И они постоянно всплывают, когда нам нужна помощь, – род присматривает за нами из Небытия до сих пор и указывает на необходимое.

– А с другой? – Леден опёрся о посох и посмотрел на меня поверх дымки «моста».

– Серо здесь всё, – я поморщилась. – Серо и скучно, холодно и сыро. Если бы не тайны рода, я бы тут же всё продала и вернулась на Ремесленные острова – к солнцу, теплу и ярким краскам, – посмотрела на «мост» и добавила: – А может, и вернусь. Надо только договориться с силдом Кременом и потряхнуть предков. Чтобы признались, что, где и для чего спрятали. Или просто отписать дом зрителям Небытия, им всё пригодится. Пока силд Шутнар разбирается с делом отца, я здесь. А вот после...

– ...будет после, – Леден улыбнулся и скомандовал: – На «мост» давай, Малёк. У меня дел по горло.

Я нырнула в мерцание «моста». У меня, в общем-то, тоже. И с тем же грязным домом хитростью, как с Управой, не разобраться. А вот с непрошеным мелким гостем... Надо подумать.

«Мост» открылся на дороге между моим домом и домом силды Веснары – во всё той же пугающей тишине. Лишь неподалёку в чьём-то саду заунывно пела пичуга. Леден появился следом за мной, и я не удержалась от вопроса.

– Лед, что случилось в чайной? Если это не тайна.

– Прослойка между Бытием и Небытием в том месте очень истончилась, – приятель сразу же открыл следующий «мост». – Видела отца? Наверняка видела. Мы – нет, ты – да. Он до сих пор ждёт у порога, наблюдает за тобой, хочет передать вести. Заговорит ли он при зрителях Небытия, если призвать его в храм? Не знаю. Попробовать можно, но, как ты знаешь, для души это вредно. Она глотнёт от тебя жизни и застрянет на пороге надолго. Сама решай. А мы проверим город. Истончение прослойки обычно ощущается – люди постоянно мёрзнут, мучаются кошмарами, видят во снах умершую родню и бегут жаловаться в храмы. Странно, что обитатели витка не жаловались. А где одно истончение, там и другое.

– Работы через край, – я улыбнулась и достала ключи. – Спасибо, Лед. Чай в силе. В любое свободное время.

– Уговор, – он кивнул и тоже улыбнулся. – Хорошего дня, подруга, – и исчез в коричневой дымке «моста».

А я сняла защиту, открыла калитку и вошла в сад. Основательно заперлась и побрела к дому.

Зрители – Бытия, Небытия, кладбищ – уходят очень быстро. Растворяются в Небытии моментально. Неважно,

сколько человек прослужил в храме – достаточно пройти посвящение, чтобы после смерти душу мгновенно и короткой тропой затащило в Небытие. Да, у зрителей Небытия есть преимущество вообще надо всеми – они могут возвращаться к порогу, присматривать за родными и передавать весточки. Но отец для этого прослужил слишком мало. Мама говорила, на возврат способны лишь те, кто всю жизнь проработал с Небытием.

Бабушка, мама – они смогут и без призыва вернуться к порогу. Отец – нет. Он чистый ремесленник и не потомственный зритель ни по одной капле крови. И то, что он полжизни провёл в доме потомственных, не даст ему столько силы. Точно не даст. Где же он тогда её набрался? Семь лет у порога! Семь лет сопротивления! И ведь дождался.

Я медленно поднялась по ступенькам, вспоминая отражение отца в оконном стекле. «Никому не верь. Береги тайны Духов» – вот и всё, что он успел шепнуть. И понимай как хочешь.

И, скорее всего, у послания есть потаённый смысл. Отец же понимал, что не верить силде Речане или Ледену, то есть бытийникам, или силду Кремену и всей своей небытийной братии я не могу. Зрители никогда не пойдут против клятв и своей силы, а если пойдут – если хотя бы помыслят, что можно пойти, – то клятвы тут же сожрут их с потрохами. Нет, в чём-то другом дело.

Сняв защиту с дома и открыв дверь, я опять столкнулась

с паутиной – вновь затянувшей весь коридор и воинственно трепещущей. Горюша тут же вынырнул из кармана, засиял синим и отважно ринулся на врага – с ходу прорубил в паутине широкий «коридор» и завозился где-то в её недрах. Паутина отчаянно завоняла, задрожала – и свернулась. Почти так же быстро, как от вчерашнего зелья.

– Молодец! – похвалила я.

Питомец встряхнулся, сбросил с плавников обрывки паутины и зло плюнул на них тонкой водяной струйкой. В нормальном виде змеи способны затопить пару прибрежных уличных витков – изрыгая из своего чрева мощные потоки морской воды и разгоняя их высокими волнами. Но Горюше по понятным причинам воды не хватало – зато она была такой солёной, что разъедала даже камень. И остатки паутины приказали долго жить, превратившись в нечто, похожее на мелкую соль.

– Это тебя так от отцовской монеты распёрло? – поинтересовалась я, закрывая дверь. – Возьми ещё парочку из того же кошелья. Эту тварь надо для начала припугнуть. По всему дому. Не поймёт – перейдём к крайним мерам. Соль не трогай! – добавила поспешно. – Изучу сначала.

Всегда интересно, что получается из останков одного и силы другого. Вернув дому защиту, я наговором собрала паутинную «соль» в чистый мешочек, оставила его вместе с сумками на кухне, расстегнула плащ, попросила Горюшу открыть все окна минут на пять и отправилась изучать первый

этаж.

Случилось ли здесь что-нибудь за ночь моего отсутствия? Сначала показалось, нет, только дом прогрелся. Мало – надо прогревать и подвал, и верхние этажи, – но достаточно, чтобы не мёрзнуть без плаща даже после проветривания. А вот кухня показала, что случилось. Еды в «холодных» сундуках и шкафах поубавилось. А в сундук, в который я собрала отцовские кошель с заметками и своё имущество, кто-то залезал.

Сев на колени, я осторожно вытянула иглу с защитным наговором и сжала её в кулаке. Тёплая. А должна быть ледяной – сила Небытия выстужала холодом. Мои защитные наговоры остались на месте – точно никто сундука не касался, – а вот игла силы лишилась. Совсем. Хотя в ней защитной силы на месяц. А силу точно... выпили. Вытянули всё до капли.

И порылись в сундуке. Это на лица у меня плохая память. На вещи – отменная. Я всегда помню, где что лежит и в каком порядке. В сундуке был беспорядок. Некто, конечно, попытался сложить всё аккуратно, но я видела, что не на своих местах вещи. Я их иначе укладывала. Но при этом ничего не пропало. Я тщательно проверила наговорами сумки с ремесленными вещами – да, всё на месте. До последней пуговки.

Горюша нырнул в сундук, позвенел монетами и быстро вернулся, довольно икая. Я встала, закрыла сундук, вернулась к столу и наговором вытянула из сумки отцовский серый сундучок. Уж не тебя ли, приятель, искали? Конечно,

самое ценное я всегда ношу с собой – пока нет причин доверять дому.

Пока в нём явно кто-то есть.

Уходя вчера из дома, я восстановила защиту. И не заперла ли здесь того, кого силда Веснара назвала моим мелким родственником? И этот родственник очевидно расположен к силе Небытия – вот так выпить из амулета силу может лишь посвящённый смотритель. Теперь надо понять, какой именно – младший, средний, старший. Хозяев силы среди смотрителей крайне мало, но и для них западня имеется.

Действуем по обкатанной схеме. Вкусно кормить – и прикармливать, приучать к себе, убеждать, что я не обижу. И попутно расставлять мелкие капканы для проверки силы.

Отцовский сундук отправился обратно в сумку.

– Горюш, закрывай окна, – я сняла плащ, а сумку на всякий случай перекинула через плечо. – Сейчас у нас уборка первого этажа и повторное утепление. А потом... посмотрим по времени.

Скрыться в мастерской хотелось до смерти. И я обязательно оставлю время для ремесленничества, иначе буду плохо спать. Но прежде подготовлю спальню – от уборки до защиты. А самые лучшие тайники на первом этаже – в средней комнате спального коридора. Там когда-то обитал прадед по маме – старший смотритель Небытия. Посмотрим, рискнёт ли «родственник» сунуться в столь защищённое логово.

Отмыть этаж, полить цветы, закрыть двери для паутины,

утеплиться повторно, разобрать сумки... И всё. Вряд ли меня хватит на большее.

– Так, Горюша, на тебе – всё водяное, – распорядилась я, закатывая рукава рубахи. Не буду переодеваться, домашняя одежда тоньше, а дома после проветривания прохладно. – Поливаешь цветы и моешь вслед за мной полы. А ну-ка, покажи поток. И без соли, Горюш, или слабосолёный, чтобы ничего не повредить.

Змей замерцал ярко-синим, надулся, словно только что выпил ведро воды, и окатил стол мощным потоком. Оный залил столешницу, а потом свернулся ковриком и замер на краю – подвижный, как студень, и чёрный от грязи.

– Да, отмывать надо всё, – мрачно признала я и указала на «коврик»: – В нужник сбрось. И иди по моим следам. Пока я чищу коридоры, полей несчастные цветы. Везде. Монет в том кошеле сколько? Пятнадцать? Все твои. Забирай прямо сейчас, но используй по надобности. Тебе нельзя перенасыщаться силой, помнишь?

Горюшка вопросительно пискнул.

Я качнула головой:

– Нет, сегодня никого искать не будем. Сначала проверим, точно ли наш гость здесь. Он же мог удрать перед нашим приходом – мы несколько минут с Ледом перед домом на виду стояли. Завтрашнее утро покажет. Сегодня делаем только самое необходимое.

Ибо есть и спать в грязи я не могу. Работать – тоже. Рабо-

тать – особенно.

– Начали?

Но, выйдя в общий коридор, я снова достала из кармана сумки пуговки, шепнула наговор поиска живого существа и проверила каждый угол. И опять безрезультатно. «Родственник» или сбежал, или в тайнике. Неизвестные мне потайные коридоры и комнаты здесь точно есть. А вот чего точно нет – это потайного выхода. Все выходы – от чердачных окон до подвальных дверей – в родовой защите. Если гость здесь, то либо сам придёт знакомиться, либо я однажды его найду.

Я вернула пуговки в карман, сосредоточилась на насущном и взялась за уборку.

Глава 6

Последний огрызок паутины распластался по стене, отчаянно пытаясь найти щель, но не тут-то было. Я шла по этажам не только с чисткой паутины и уборкой, но и с утеплением, не то ближайшей же ледяной зимой мы вымерзнем даже рядом с силовым кристаллом. Все окна, стены, полы и потолки отмыты, все до единой щели закрыты ноштовым песком, смолой и утепляющими наговорами. Осталось добить одичавшую и обнаглевшую паутину.

Оная, похожая на обрывок грязной кружевной салфетки, отчаянно металась по стене кладовки четвёртого этажа, куда мы с Горюшей её загнали пять минут назад, и отказывалась сдаваться. Но и мы не дремали. Змей смывал паутину мощными потоками сверху, а я поджидала её с зельем внизу. В конце концов паутина забилась в угол и, дрожа, прильнула к полу.

На жалость давит, зараза. А пожалей её – снова за пару ночных часов дом захватит. И опять всё отмывать, заговаривать и проветривать. А самые дикие паутины и убивали – душили хозяев во сне.

Горюшка тихо пискнул.

– Что, тоже жалко? – я закрыла пробкой дымящееся зелье и задумчиво посмотрела на грязный комок. – Предлагаешь пообщаться?

Если паутине больше пяти лет, она поддаётся воспитанию. А главный мамин постулат гласил: спаси, убить всегда успеешь.

– Ну хорошо, – я удобнее устроилась на прогретом полу, спрятала в нагрудный карман рубахи склянку и достала платок. – Рискнём.

А ведь добилась своего – жалко...

Я обернула ладонь платком, примерилась и резко схватила паутину. Комок забился в моём кулаке крохотным перепуганным зверьком. Я спеленала паутину, подскочила и поспешила вниз – в мастерскую. Горюша, весело попискивая, нёсся за мной – он, жертва опытов, тоже искренне считал, что любой жизни надо дать шанс на собственно жизнь.

В мастерской я положила платок на стол и быстро накрыла стеклянным колпаком. Паутина, почуяв свободу, немедленно облепила колпак. Поёрзала. Оплела стенки и стол. Попыталась просочиться в щели, не смогла и бессильно сникла.

Я дождалась, когда паутина иссякнет, наклонилась и громко, медленно произнесла:

– Если ты меня понимаешь, сожмись в комок.

Наша паутина, воспитанная дедами и родителями, человеческий язык понимала. Если она всё та же, если не одичала вконец, то должна понять и отозваться.

Паутина снова поёрзала – и сжалась. Уже не грязная салфетка – уже серый пушистый клубок. Снова давящий на жалость: вон, мол, какая я хорошая... Я достала знакомое ей

злое зелье. Клубок испуганно затрепетал.

– Значит, так, подруга, – медленно, с паузами, начала я, – или ты меня слушаешься, или я тебя уничтожаю. Если хочешь жить в этом доме – подчиняйся. Если не хочешь – твои проблемы. Раскрутись, если хочешь.

Клубок тут же распластался по столу ажурной салфеткой.

– Я выделю тебе одну комнату, – продолжала я, для доходчивости взбалтывая зелье. – Одну! За её порог выходить не смей. В клубок, если согласна.

Паутина снова стянулась в клубок. И в кладовке бы её запереть, но эта пакость, как и всякое живое существо, нуждается в свете и свежем воздухе.

– Мебель и шторы не трогать, – предупредила я. – Стены, пол, потолок – твои, но лишь там, где нет предметов. Твой – только камень. Остального не касаться. Окна не залеплять. А главное, не вонять. Даже если я зайду в эту комнату, не смей вонять.

Клубок, не дожидаясь приказа, развернулся салфеткой.

– Второго шанса я тебе не дам, – я убрала зелье в ящик стола. – Или живёшь в одной своей комнате, или спалю к ношту. Поняла? И чтобы я тебя не видела, не слышала и не чуяла.

Паутина нетерпеливо запрыгала пушистым мячиком – от стенки к стенке, от стола к маковке колпака и обратно. И всё равно же вонять будет... Где ни посели – провоняет комната паутиной приторностью. А самое неходовое помещение во

все времена, где никто не жил, лишь изредка на пару ночей останавливались гости...

– Пятая, последняя по коридору кухня. Проверять буду постоянно, – медленно сказала я и сняла колпак.

Клубок резво скатился на пол и юркнул в коридор. Горюша любопытственно рванул за ним и, конечно, успел раньше меня – когда я дошла до нужной комнаты, змей уже парил в дверном проёме между шторой и стеной. А паутина послушно, не касаясь окон и зачехлённой мебели, протянулась от стены к стене, от пола к потолку – пока тонкими нитями, но через седмицу точно затянет всё сплошным полотном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.